

# Дар любви

Дорога до звёзд

16+

Кононова Дарья

# **Дарья Викторовна Кононова**

## **Дорога до звёзд. Дар любви**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=57431572](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57431572)*

*SelfPub; 2022*

### **Аннотация**

Они поженились и жили долго и счастливо... именно так заканчиваются почти все сказки о любви, но не эта. После свадьбы Фискала и Милидию, главных героев книги "Новое утро жизни" Дарьи Кононовой ждут новые опасности и приключения. Успех молодой пары в Совете Волшебников, оказывается кратким. Одно за другим на Фискала и Милидию сыплются обвинения в ужасных злодеяниях, к которым они не причастны. Чтобы спасти свои жизни возлюбленные вынуждены бежать и скрываться. Конечно же Фискал тайно берётся вести собственное расследование всех этих странных и ужасных преступлений, в чём его жена становится ему верным помощником. Однако эти поиски заставляют столкнуться главных героев с новым, жестоким и опасным врагом, который пришёл из прошлого.

# Дарья Кононова

## Дорога до звёзд. Дар любви

Дорога до звёзд. Дар любви.

Если падают звёзды, значит это кому-нибудь нужно,  
Значит кто-то того захотел,  
Значит в свете чарующе южном  
Растворился их тайны предел.  
– Возлюби меня любовью возлюбленных,  
Поцелуй меня в губы, прижми.  
Если этого Вам не нужно,  
Вы спокойно скажите: «Прости».  
Вы горды, и я тоже такая,  
Да к тому же свободу люблю,  
Ни к чему мне клясться Вам, зная,  
Что участия чащи, я не приму.  
– Возлюбить любовью возлюбленных,  
Подарить Вам свободу мечту и полёт...  
Целовать Вас в огнях полуночных,  
Тут глупец лишь отыщет предлог.  
Пренебречь мне женщиной той,  
Что шепталась со мной о любви,  
Вы пронзили меня стрелой,

Ни к чему говорить: «прости».

Звёзды падали не случайно,

Целовались они со мной,

Крик души возносился отчаянный,

« Я с тобою, всегда я с тобой! »

**Этюд о дороге.**

Хотите, верьте, хотите, нет, но порою мне кажется, что есть одна дорога, бесконечно длинная дорога, из тех, по которой не идут за звоном серебра, туда ведут совесть и талант. Я даже не могу сказать, что это путь всех добрых и порядочных людей, нет, многие лишь вступив на нее, тут же поворачивают и бегут без оглядки. ( И, правильно делают, должно быть ).

Но есть и другие... эти тоже всё понимают, а всё-таки идут по ней вперёд, всегда вперёд. На этой дороге много камней и эти безумцы часто падают, но всё-таки поднимаются и идут дальше, настоящий человек всегда поднимается. Эти люди, они свистят свои песни, как птицы и не ждут никакой награды. В душе снова загорается огонь, они снова смотрят в небеса с надеждой, замысливают очередной звёздный взлёт и оттого перестают спать по ночам. Ведь одно мгновение полёта, мгновение свободы стоит падения со всеми его страхами и треволениями. Лишь бы снова расколоть небесную тишь и озаботить собой Землю.

Все мы смертны, и даже эти люди падают так, что уже не могут подняться. Кого-то настигает шальная пуля, прямо на-

вылет, в грудь, кого-то раздавливает толпа, вечно смотрящая на этих смельчаков своим оком неверия, кто-то просто сходит с ума от постоянного одиночества, от непонимания, от неприятия. Вот какие ужасы случаются на этой дороге.

Но ведь те, кто идут по этой дороге знают всё это. Так почему они выбирают это путь? Да потому что, до своего рокового падения, в минуту отчаянья и в мгновенье восторга, и в своём необузданном безрассудстве, в скорби и в радости они надеются. Они искренне верят в то светлое и прекрасное, что там впереди, что там в будущем. Пусть даже не мы, пусть кто-нибудь другой, когда-нибудь дойдёт до этого. И верьте мне, нет ни чего сильнее этой самоотверженной надежды.

Так к чему я всё это, ведь всё это не ново, ведь об этом говорили другие до меня, пусть даже чужими словами, но она вдохновили меня написать это сейчас, сегодня. И я знаю, даже через тысячу лет, когда сама я, память обо мне и тетрадка, в которой я пишу всё это, всё уйдёт в никуда, кто-то будет говорить так же своими, новыми словами. Но важна будет лишь мысль, одна эта мысль, одна она, сквозь века.

Так вот, однажды с двух разных концов ступили на эту дорогу два человека.

« Какого чёрта меня несёт сюда – подумал один из них. Это был юноша, полный всяких достоинств, смелый, готовый совершать свой выбор и нести за него ответственность человек – и всё-таки?!»

« Я не смогу, я не должна, – думала она, девушка, из тех,

которые воплощают собой любовь, красоту, талант и веру, веру в счастье – и всё-таки?!»

И они пошли, и хотя шли они с двух разных концов, они всегда шли неразделимо. И вопреки всем законам человеческим и нечеловеческим, вопреки, а может и благодаря року, что тяготеет над нами, они встретились. Каких же только чудес не бывает и куда только не выведет кривая на этой дороге.

И любовь их была самой светлой, самой чистой и самой прекрасной. Хотите знать почему? Да, от того, что они сами её такой создали. Эта дорога, она ведь пробный камень, она выбирает тех, кто способен любить по-настоящему, верно и честно, безо лжи и фальши.

Заканчиваю на этом, довольно красивых слов, которые уже никому не нужны.

И всё-таки последние, даже если они были счастливы одно лишь мгновение, даже его одного должно было хватить на то, чтобы заполнить их сердца бессмертной надеждой навсегда.

**Часть первая. Сенсации, сплетни, интриги, скандалы и заговоры в Совете Волшебников, любовного и не только характера.**

## **Глава 1. Дин.**

Вы знаете, как обрывается лес? В место обрыва, где начинается непроходимая чаща, снопом падают яркие, родивши-

еся в бесконечности лазоревого неба лучи солнца. Несколько шагов, озарённых солнцем, и тропинка резко прекращается. Это обвал. Который произошёл здесь во время ненастья много лет назад. Так давно, что и сама природа уже забыла его, и внизу уже море лугов и полей, которые теперь зацвели последними сентябрьскими цветами, маленькими фиолетовыми и желтыми головками, которые чуть стыдливо приподняты, и будто бы говорят: «Мы тоже тянемся к солнцу, а солнце это жизнь. Мы любим ее, так же как и вы». И этот их восторг, и это стремление ручья вперёд, и шелест листвы в тишине, всё оказывает действие на наше воображение. Воображение создаёт основу для мечты. За мечтою последует мысль. Мысль человека устремлена в бесконечность, равна ей и ею же рождена. Но как велика красота этого места. Оно поразило нас сегодня в последний день лета. Но, ведь и завтра, когда на Землю падёт первый снег, он поразит нас своей белизной и чистотой, и так будет и через сто и через тысячу лет... Никто уже не вспомнит о грозе бушевавшей здесь когда-то, и того, кто будет смотреть сюда, тронет лишь красота нашего мира, а не горестное воспоминание.

Комок земли полетел с обрыва вниз, оттого, что его немелено поддели маленькие башмачки. Там где обрывалась тропинка, свесив с обрыва ноги, сидела девочка лет тринадцати. Это юное создание было не в самом лучшем расположении духа, о чём свидетельствовала резкость, с которой она откидывала за плечо свою светлую непослушную косичку, и

то, как поджимала свои розовые губки, и то, как складывала бровки домиком на своём милом личике.

– Кажется, сейчас начнётся дождь – прозвенело в тишине леса, девочка оглянулась на безоблачное небо, но дальше последовало насмешливое разъяснение, – ибо суровость этого юного создания способна вызвать любую бурю.

Девочка резко встала на ноги. Кто, кто мог так смеяться над ней? Но рядом не было ни одной живой души. На мгновение лицо девочки отразило испуг, уж не расшалился ли это какой-нибудь лесной дух? Но, нет глупость, ей показалось, просто показалось.

Она уже готова была приписать это игре воображение, как произошло ещё нечто более невероятное. На тропинке, буквально в нескольких шагах от неё появилась молодая девушка. Незнакомка необыкновенной, редкой красоты, словно сотканная из воздуха в своём серебряном плаще и небесно-голубом струящемся платье. По своему точёному, тонкому, но такому гордому силуэту, нежным чертам лица и задумчивым, таинственным глазам она напоминала королеву, но вместо диадемы в её тёмные волосы были вплетены цветы. Неужели говорила она, нет, тот голос был явно мужским.

– Не надо пугаться – ласково проговорила таинственная красавица.

– А я не боюсь – ответила девочка – и не надо со мной как с ребёнком.

– Вот, как, прошу простить, но Вас должно быть задело то



замечание, произнесённое моим мужем, но я думаю, он не хотел Вас обидеть.

– Здесь больше никого нет, или Ваш муж ветер?

Темные глаза девушки заиграли озорными огоньками:

– Что же ветер это, пожалуй, подойдёт.

– О нет, ветер здесь точно не я. – Рядом со сказочной красавицей появился высокий и статный юноша, которого также можно было сравнить с волшебным принцем. – Это ты Милидия – проговорил он, смотря в глаза девушке, точно стремясь прочесть там что-то недоступное никому – Милидия, так вот ты какая, ты всё что вокруг и во мне, ты ветер, ты лёгкая птица морская и шелест листвы в тишине.

Молодая женщина ответила ему смущённой и нежной улыбкой, и тут же вновь обратилась к девочке:

– Как же тебя зовут маленький белокурый цветочек?

– Диана, но Вам можно называть меня просто Дин – на какое-то мгновение она прониклась доверием к этой доброй незнакомке.

– Дин, похоже не шелест колокольчика Дин-дон-дин-ди – ли-ль – своим нежным стройным голосом пропела красавица.

– Милидия-Мелодия – так же нараспев поддразнил девушку её молодой спутник. Её карие глаза ответили ему коротким строгим взглядом учительницы. Но стоило ей вернуться к девочке, как её глаза приобрели своё мягкое выражение.

– А Вы кто? – На этот раз Диане удалось опередить своим вопросом незнакомку.

– А ты разве не догадалась? – таинственно спросила та.

– Хочется услышать что-то более конкретное, чем ветер или птица морская или прочие образы, которыми Вы друг друга называете.

На это юноша с девушкой рассмеялись.

– А разве образной речи не соответствуют образные мысли? – произнёс он.

По воздуху проскользнула лёгкая невесомая жёлтая бабочка. На несколько секунд она присела отдохнуть на выставленную для неё ладонь Милидии, которая с восторженной непосредственностью наблюдала за ней. Мотылёк вспорхнул и устремился в воздух. Точно с такой же лёгкостью и она оторвалась от земли, взлетев за ним. Её спутник выставил по направлению к ней ладони, и из них вылетела целая стая самых разнообразных бабочек: жёлтые, белые, розовые и голубые. «Как счастлива она от полёта этого мотылька, как любит она жизнь – подумал юноша – непосредственная, восторженная, точно ребёнок и она могла тогда...»

Девочка, как очарованная следила за происходящим. Девушка чуть повела взглядом, и бабочки выстроились в воздухе чашечкой объёмного, красочного цветка, несколько мгновений пропарив так в небе.

– Спасибо – произнесла Милидия – Вы свободны, летите. А сама она стала медленно опускаться с небес на землю.

– Мы и правда забыли представиться, хотя это и не совсем в наших правилах – с улыбкой выговорил молодой человек – Фискал Фейрфак и госпожа Милидия Фейрфак, моя жена.

– И Вы волшебники? – Не без насмешки спросила Диана.

– Да, – ничуть не смущаясь, ответил он.

– Вы так говорите, потому что считаете меня ребёнком, которого легко обмануть!

– А Вы, юная леди, не верите нам, потому что в ваши неполные тринадцать у всех здорово портится характер.

Диане действительно было почти тринадцать, но как он узнал.

– Раз Вы волшебники, то Вам всё подвластно, и люди, и природа, и даже те звёзды, что падали с небес месяц назад, тоже Ваших рук дело.

Как близка была она к истине, к истине, которая смутила и вызвала полу-печальную, полу-таинственную улыбку на губах и без того загадочной красавицы. Испуг отразили васильковые глаза её мужа. Он, бледный, и мгновением изменившейся в лице, с нежностью и благоговением привлёк к себе жену, словно стараясь укрыть её от всего, что может навредить ей.

Лёгким движением она чуть отстранилась от него.

– Звёзды, – после некоторой паузы произнесла Милидия – а звёзды... это ночь и одиночество... да, это вечное одиночество души, нёсшейся в бесконечном пространстве. Вот коварство одиноких лет...

– Две души нёсшихся в пространстве, и это уже не одиночество! – решительно возразил ей он.

Две пары умных глаз встретились, и, кажется, готовы были испепелить друг друга. Но где были замешаны чувства, там наступал предел власти чар волшебников. Ни разум, ни гордость, ни воля, ни сложность характеров этих молодых людей не осмеливались противопоставить себя пламени любви, зажжённому в пылких сердцах.

– Я Вас люблю, моя жена, Вас одну, я никого так не любил и любить не буду.

– Не бойтесь, я уже не исчезну, но разве я заслужила такое счастье, чем?

– Тем, что ты неземное создание.

– Пожалуй, это и всё, что ты обо мне знаешь – на это возразить она не дала и снова обратилась к девочке – милая Дин, я знаю о тебе всё, ты мечтаешь о путешествиях и приключениях, не так ли?

– Мне никогда не вырваться отсюда, от деревни, где я живу! – Диана топнула ножкой.

– Ой, ля, – Фискал весьма загадочно улыбнулся.

– Что Вы об этом знаете?!

– Не больше твоего.

– Вот так волшебники! Не могут сделать счастливой, даже ребёнка!

– По-моему юной леди пора спешить домой – не без сарказма заметил волшебник.

– Ну, всё понятно, Вам просто не терпится остаться наедине с красавицей женой, всё, всё ухажу.

– Несносная девочка.

– Постой – женщина с мягкими карими глазами провела ладонью по щеке Дианы – ты мне нравишься, Дин.

– Уж не тем ли, что так же своенравна, как и ты – но усмешку на лице Фискала почти тут же стёр очередной строгий взгляд, и он уже смущённо и нежно прошептал её имя – Милидия...

– Ты мне нравишься, Дин и мне бы хотелось что-нибудь подарить тебе.

– Спасибо, я никогда ещё не получала подарков феи.

– Ты слишком рано благодаришь, что бы тебе хотелось?

– Пожалуй, слишком многое из того, что Вы не сможете или не захотите исполнить.

– И что же, например?

– Ну, скажем, посмотреть, как живут волшебники.

– Едва ли это очень интересно, но тебя уже, должно быть ищут родные.

– Все привыкли, что я надолго ухажу из дома, и никто не будет беспокоиться.

– Хорошо.

С двух сторон они подхватили Диану под локти.

– Не боишься оторваться от земли – интригуяще спросил господин Фейрфак.

И они втроём взлетели. Зелёные холмы, и лес, и ручей, и

деревья всё было уже далеко внизу, под ними.

– Ты живёшь там? – девушка указала свободной рукой в сторону деревни.

– Да.

– В таком случае услуга за услугу – юноша очаровательно улыбнулся – ты побудешь нашим курьером и передашь один наш подарок Лучику.

– Кому?

– Лучику. Ты знаешь маленькую рыжую девочку?

– Которая не могла ходить, а недавно, точно чудом исцелилась?

– Да, её мы и называем Лучиком.

– Так это Вы?

– Ни слова больше.

Они ещё немного пролетели, прежде чем опуститься возле витой садовой калитки. Заброшенный дом, прекрасный заброшенный сад.

– Я знаю это место – произнесла Дин – этот дом давно заброшен, правда?

– Не так уж давно и не совсем заброшен.

– Сделай его невидимым, как раньше – попросила Милидия – или наше с тобой присутствие непременно привлечёт внимание.

– Хорошо, ты же знаешь, из-за чего и когда он стал виден.

– Знаю – печально вздохнула девушка.

Диана была не настолько невнимательна, чтобы не заме-

тить того, что какая-то печальная тайна связывает возлюбленных. Не желая говорить о ней вслух, они не могли не думать о ней. И этот испуг в его васильковых, синих глазах и эти её то печальные, то таинственные взгляды. Эти юноша и девушка таили в себе больше загадок, чем те которые могли разгадать сами, и самой главной тайной была их любовь. Вся жизнь состоит из вопросов, ответы на которые так трудно найти.

– Пойдёмте, – решительно произнёс Фискал, отпирая калитку и придерживая её перед женой и девочкой.

Милидия и Диана шли по садовой дорожке. Всё оживало и возрождалось перед ними, клумбы покрывались свежими цветами, витые качели переставали скрипеть, на место вставала покосившаяся ограда, беседки покрывались новой краской, а со скамеек исчезала опавшая листва. У самых дверей дома девушка остановилась и отвела глаза в сторону маленькой заросшей клумбы под окнами. В том месте, где упал её взгляд, стали прорастать бледно-зелёные стебли с закрученными листочками. Когда они доросли до её колен, процесс прекратился. Она сорвала один лист, и, помяв его в руках, поднесла к носу.

– Мята, – чуть смущённо произнесла она.

В воздух ворвался запах терпкий, сладковатый, зелёной загадочной мяты.

– Пойдёмте пить чай – повеселев, предложила она.

Фискал отпер дверь, приглашая войти. Дом был ещё бо-

лее запущен, чем сад. Он хранил на себе следы не просто заброшенности, нет, всё свидетельствовало о каких-то буйных событиях, произошедших здесь.

– Всё происходило здесь? – в тишину спросила девушка, она подошла к тому месту, где на полу лежали две поломанные шпаги, одна была разломана на две равные части, вторая же, словно разбита на мелкие кусочки серебристого металла. Милидия взяла в руки два обломка – твоя шпага.

Он обнял её за плечи.

– Всё прошло, – ласково произнёс её муж.

Под их озабоченными взглядами всё вокруг стало вставать на свои места: правильно подвешивалась покосившаяся гардина, исчезли обломки шпаг, пропала со стен паутина, царапины на лестничных перилах отшлифовывались. Куда-то делись вся пыль и грязь, и освещение стало значительно ярче. Теперь это место уже не походило на дом с привидениями, а воплощало собой милое светлое убежище молодых возлюбленных.

– Пойдёмте пить чай, – в который раз позвала Милидия.

Фискал взял Диану за руку и повёл на второй этаж. Там они вышли на балкон, на котором тут же появился стол и три стула. На белоснежной скатерти стояла фарфоровая ваза с прекрасными чайными розами, изысканный чайный прибор на три персоны и тонкие салфетки, пошитые золотом и прованским кружевом.

Этот очаровательный молодой волшебник и Диана были



вдвоём. Загадочная девушка, должно быть, осталась внизу, чтобы приготовить чай. Девочка с хитрой улыбкой изучала юношу.

– Зачем ты так пристально следишь за мной?

– Вы не похожи на труса, но Вы испугались, когда я задала вопрос о том звездопаде. Почему?

Он ответил не сразу. Теперь, когда девочка заговорила об этом вновь, Фискал уже не содрогнулся (может от того, что рядом не было его жены), но в его васильковых глазах появилось что-то недостижимое.

– Никто не знает, как ей это удалось, но звёзды падали из-за неё. Многие думают, а я признаться, знаю о ней больше всех остальных и всё же недостаточно, чтобы, что-либо утверждать, так вот, многие думают, что она отдала за это свою жизнь.

– Вы говорите о своей жене?

– Да, я говорю о Милидии.

– Но ведь она жива!

– Ты не видела её в тот момент. В ней словно что-то надломили, она угасала с каждым мгновением. И никто был не властен, остановить это, даже я. Теперь у тебя нет больше причин упрекать меня в трусости, падение этих звёзд едва не стоило мне жизни любимой женщины.

– Но ведь она жива!

– Это ещё одна загадка... На следующие утро, после того, как с неба сорвалась последняя звезда, она предстала передо

мною, живая, юная и светлая. Я хорошо запомнил её слова и смущённый голос. «Знаешь, а я всё-таки поняла, что очень хочу жить».

– И больше она Вам ничего не сказала?

– Нет.

– А Вы спросите её.

– Она не ответит... и вообще, тебе не следует так легкомысленно задавать серьёзные вопросы, ответы, на которые ты всё равно не понимаешь – резко отрезал он.

«Вообще-то это не так, но история оставила в обоих печальный след. А она, раз что-то скрывает, не так проста, как хочет казаться» – едва успела подумать девочка, как вошла та, которая не так проста, как хочет казаться.

В руках Милидия держала поднос с фарфоровым чайником и блюдом пирожных.

– Надеюсь, ты любишь эклеры – обратилась она к девочке, пока её белые ручки ловко разливали чай по чашкам.

Диана утвердительно закивала.

– Я так и думала, значит, ты такая же лакомка, как я и Фискал.

Как безмятежен был смех этой женщины, какие мягкие карие глаза и как лучезарны расточаемые улыбки. И этот ангел доброты, так восторженно влюблённый в жизнь могла не захотеть жить... Немыслимо, невозможно... «Знаешь, а я всё-таки поняла, что очень хочу жить». Милидия раскладывала пирожные по фарфоровым блюдам и разливала чай

золотистой струйкой из чайника.

С появлением этой девушки всё повеселело.

– А знаешь, Дин, я, кажется, знаю, что подарить тебе. – Пропела Милидия, после того, как с пирожными было кончено – посмотри.

И девушка извлекла откуда-то из потайного кармашка своего платья маленький серебряный компас. С виду он был совсем обыкновенный, к тому же почти игрушечный. Будто желая подтвердить это, Милидия открыла крышку, действительно самый обыкновенный компас.

– А теперь смотри – волшебница щелчком закрыла его и своими тонкими пальцами она чуть постучала по крышке. При этом девушка загадочно улыбнулась, а её карие глаза озорно забегали, точно у расшалившегося мальчишки.

Крышка снова открылась, но вместо компаса в футляре теперь была объёмная картинка. Откуда-то послышался плеск волн и крики чаек. В футляре поместилось настоящее море и фрегат с белыми парусами, только всё было очень маленьким.

Дин не могла отвести глаз, это было волшебство, настоящее волшебство.

– Так ты увидишь реки и горы, непроходимые джунгли и цветущую прерию, и морские глубины – ласково говорила Милидия, всё больше вдохновляясь – так ты научишься мечтать, моя юная путешественница, а когда вырастишь, увидишь всё это наяву.

– Это, правда? – ведь очень хочется верить таинственной красавице.

– Правда в том, что ты идёшь к загадочному и прекрасному миру, путь в этот мир без дороги, она освещён твоей мечтой.

Дин была очень сильно тронута, ни подарком, нет. Тем, что в неё поверил. Да, нашёлся тот, кто верит её фантастическим мечтам о приключениях. И теми единственными людьми, кто в неё верит, была эта молодая женщина-загадка, в которой сложно сочетались доброжелательность, женственность, почти детская непосредственность с благородством гордой леди, и её муж, этот красивый юный волшебник, готовый высмеять любого.

– Мне кажется, подарок не так прост – произнёс он – эта вещь укажет тебе именно нужный путь.

– Посмотрим, – девушка посмотрела на него с вызовом.

– Но помни о своём обещании. – Фискал чуть повёл рукой, и начинающие желтеть листья полетели с клёна, сделали акробатический кульбит в воздухе, и вот чудо, стали сплетаться во что-то всё больше напоминающие альбом с золотыми страницами, резными, как листья клёна. – Мне кажется, – он обратился к Милидии – мне кажется, наш с тобой Лучик станет хорошей художницей.

– Непременно, а картинки, нарисованные в этом альбоме, будут точно живые.

– Я обещаю, что непременно передам его рыжей девочке –

Дин уже искренне привязалась к госпоже и господину Фейр-фак, и чувствовала, что, пожалуй, готова исполнить все, о чём они попросят.

– Теперь тебе, кажется, пора спешить домой, Дин – ласково произнесла женщина, она провела рукой по золотистым косичкам девочки и нежно поцеловала её в лоб – до свидания, милая, мы непременно ещё встретимся.

– До свидания.

Фискал взял Диану за руку. Раз, два, три... Они стоят у самой калитки, ведущей к дому девочки.

– Не забудь, что ты обещала – очаровательный юноша снова улыбнулся.

– И что мне сказать ей?

– Скажи, что Поэт нашёл свою Королеву, до свидания.

– До свидания, – но этого он уже не услышал, он исчез, оставив Диану наедине со своими мыслями, которые, кстати, сегодня получили неплохую дозу впечатлений. Вот уж точно, было от чего разыгаться воображению.

## **Глава 2. Графиня Тересса-Милидия-Дарианна-Виктория-Доротея де\* Шеврез.**

Неизменный серебряный плащ, с приколотой к нему старинной брошью, подарком Иванджелины, обволакивал силуэт его жены. Она стояла на лестнице, положив руки на перила.

– Ты уходишь? – он уже понимал, что она уйдёт.

– Да, если хочешь, можешь пойти со мной.

– А ты сама хочешь этого?

Она чуть качнула головой:

– Нет, я хочу побыть одна.

– В таком случае, я даже не буду спрашивать, куда уходит госпожа де\*Шеврез – он осёкся под её строгим взглядом – прости, я хотел сказать, что ты всегда и во всём свободна. Я верю тебе, мой маленький, благородный рыцарь.

– Спасибо, но не печалься, я скоро вернусь. До свиданья, до скорого свиданья, господин волшебник.

Тропика вела сначала к белому домику на холме. «Сад мой и домик, со старой терраской – подумала молодая женщина – ты мой вчерашний, позавчерашний, мой покой». Она беспрепятственно прошла за калитку в сад, за которым теперь никто не ухаживал, и улыбнулась увядающему розовому кусту с единственным бутон. Войдя в дом, Милидия поняла, что всё ценное, что можно было вынести уже вынесено, впрочем, чему удивляться... Хотя нет, было чему удивиться. Не тронули резное фортепьяно из орехового дерева в розовой гостиной её матери. Оно, как и было накрыто неизменным прованским кружевом, от которого тянется чудом сохранившейся аромат вербены. Милидия открыла крышку инструмента и обнаружила там старую нотную тетрадь. Самые простые, незамысловатые детские песенки, их когда-то сочиняла её мама, для неё. До чего же они были добры и светлы, её первые ноты...

И вот девушка уже сидит за инструментом и играет свои

первые ноты, напевая их чистым голосом. Может, ей снова пять лет и ничего этого не было, это всё странный невероятный детский сон, игра воображения, возбуждённого какой-то красивой сказкой. Она совсем не такая, она ребёнок, склонный к детским шалостям и глупым фантазиям. Она не может совершить благородный, самоотверженный поступок, который совершил тот смелый и добрый человек, настоящий человек. Не было гордой леди, которая не побоялась пойти вразрез с общественным мнением... Не было прекрасной таинственной возлюбленной очаровательного волшебника... Не было женщины, которая приняла в сердце своё судьбу каждого человека... Не было свободолюбивого рыцаря до последнего отстаивающего справедливость... Не было безумного мечтателя, авантюриста, вечного исследователя и искателя, стремящегося к справедливости... Не было, не было, никого не было...

Её слёзы упали на клавиши инструмента.

Была графиня Тересса-Милидия-Дарианна-Виктория-Доротея де\*Шеврез, ныне госпожа Милидия Фейрфак... Была, была, была... она была...

– Отчего Вы плачете, дитя моё? – Обратилась к ней незаметно вошедшая женщина, она была уже не так юна, как Милидия, и потому должно быть имела право на тот несколько покровительственный тон, но всё же она была очень красива, и главное очень счастлива.

– Ничего особенного, не больше чем воспоминание, про-

сто воспоминание...

– Девочка, милая девочка, как хороши Вы собой, Вы похожи, Вы очень похожи – женщина вдруг побледнела, очень испугавшись.

– О ком Вы говорите?

– Я сказала глупость, забудьте.

– И всё же о ком Вы говорили?

– Мне показались, просто Вы очень похожи на людей, которые жили здесь раньше.

– А кто здесь раньше жил?

– Сначала отставной офицер, граф де\*Шеврез, с молодой женой – женщина чуть вздохнула – он бы сделал блестящую военную карьеру, но любовь... Она была очень хрупкая и нежная девушка, он не хотел, чтобы она жила в гарнизоне и он подал в отставку. Они жили здесь очень уединённо, и были счастливы, я не должна забывать их, особенно её, поэтому часто прихожу в домик графини.

– Вы чем-то обязаны ей?

– Да, я помню доброту и деликатность, с которой она когда-то отнеслась ко мне, дело в том, что когда я выходила замуж, человек, который женился на мне, женился по любви, и я была ему не равна, ни по положению в обществе, ни по богатству. Графиня была так великодушна, что поддержала меня, когда от нас все отвернулись, и помогла упрочить моё положение в обществе.

Милидия очень странно посмотрела на эту женщину, те-



перь она чувствовала к ней не просто симпатию, нечто большее, счастье её было твореньем рук маленькой волшебницы.

– Почему Вы так смотрите на меня?

– Ничего, я просто подумала, мне кажется, я знаю кто Вы, Вы баронесса Джули де\*Кверлик?

– Вы правы, но как Вы угадали?

– Я слышала Вашу историю от барона Эдварда де\*Кверлик.

– Вы знаете, Эдварда, давно ли Вы виделись?

– Незадолго до моего отъезда с моим мужем.

– Вы иностранка?

– В некотором роде, лучше скажем путешественница.

– Эдварда тоже всегда тянуло к путешествиям, ещё мальчиком он грезил о морских приключениях и океанах. Но как он, здоров ли, счастлив ли? Мы знаем, что он очень далеко и его брат давно не имел от него никаких известий.

– Могу Вас успокоить, брат Вашего мужа вполне здоров, успешен, и скоро должен жениться.

– О, неужели, на ком?

– На очень хорошей и доброй девушке, её зовут Иванджелина Орнольдегольд.

– Вы хорошо знаете её?

– Да, она двоюродная сестра моего мужа и мой хороший друг, когда мы с моим мужем вернёмся, они соединят свои судьбы.

– Как же я счастлива, сама судьба посылает нам Вас.

– Я действительно хотела встретиться с Вами, мой экипаж остановлен в ближайшей деревне, я хотела осмотреть эти живописные места и старинный замок, он, кажется, принадлежит древнему дворянскому роду, ведущему свою родословную ещё от крестоносцев, не так ли?

– Да, Вы правы.

– А потом я действительно собиралась навестить Вас, но сама судьба свела нас...

– Да, редкая удача, а Вы можете осмотреть замок, мой муж сейчас как раз там, он улаживает некоторые дела с управляющим.

Милидия озадаченно посмотрела на баронессу, та продолжала.

– Граф и графиня жили здесь очень не долго, они были очень молоды, когда всё произошло. Потом, через несколько лет сюда вернулся брат графа, который ещё юношей уехал в дальние странствия и провёл в путешествиях больше пятнадцати лет. Во время путешествий он разбогател и отстроил замок заново. Он тоже жил здесь, но почти год как умер. Все его капиталы ушли на благотворительность, на них построены школы и больницы. А что касается родового поместья, то он попросил моего мужа выкупить его, чтобы оно не попало в чужие руки.

Милидия уже не могла сдержать слёз, чтобы баронесса не заметила их, она отвернулась к окну.

– Ну что Вы, милая девочка, конечно история печальная,

но стоит ли принимать всё так близко к сердцу – баронесса провела ладонью по тёмным волосам маленькой графини.

– Простите, что-то сегодня со мной случилось, но это пойдёт.

– Да, это бывает, но пойдёмте, Вы, кажется, хотели осмотреть замок?

Две женщины спустились с холма и направились к старинному замку. Милидия всё ещё держала в руках тетрадь нот.

– Вижу, они понравились Вам? – произнесла её спутница – оставьте их себе, Вы так хорошо поёте. Всю эту музыку написала графиня.

– Я знаю – тихо, чтобы баронесса не услышала, произнесла Милидия – я всё знаю.

Войдя в замок, они долго шли по длинной картинной галерее, где висели портреты владельцев замка. С портретов на двух женщин смотрели прекрасные дамы, рыцари, знатные синьоры, епископы, кардиналы, политические деятели и доблестные военачальники. Мягкий взгляд падал с последнего женского портрета, вот она печальная красавица, графиня де\*Шеврез. Следующий портрет – блестящий молодой офицер, сжимающий старинную шпагу, провожал зрителей гордым взглядом огне веющее-чёрных глаз. И на последнем портрете, тот путешественник, о котором говорила баронесса, последний владелец замка с трагичной историей.

– Подождите здесь, – попросила Джули – я позову мужа. Тишина с необыкновенной мощью была по сознанию,

раньше в самом конце галереи висел ещё один портрет! На картине была изображена юная девушка, почти ребёнок, с мягкими глазами графини, у которых был гордый взгляд её мужа. У девочки было сложное имя, часто в то время наследникам дворянских родов давали длинные имена. Тересса – имя доброты и милосердия. Милидией (имя, которое стало основным и употреблялось потом постоянно) называли девочку, вошедшую в этот мир для радости и счастья, дитя любви. Дарианна – сложная судьба. Виктория – победа. Доротея – греческое имя, которое означает дар богов. А всё вместе графиня Тересса-Милидия-Дарианна-Виктория-Доротея де\*Шеврез.

« А может это не я, может, меня не было? – Подумала девушка – но что же я такое? »

« Она будет жить вечно, как мечта, мечта... »

« Может я и правда мечта, его мечта. Добрый и талантливый волшебник придумал меня и облёк в форму живого создания. Работа была так хороша, что пылкий юноша и сам поверил в то, что я живая, а я поверила в его любовь. Всё просто красивая сказка, ничего не было... »

– Моё почтение, сударыня.

Милидия едва узнала этого человека, который когда-то принёс ей много горя и страданий, впрочем, что же она, ведь он и сам был глубоко несчастен тогда. И неизвестно, чтобы тогда было, ведь говорят же, не было бы счастья, да несчастье помогло. Девушка уже не чувствовала к нему ни зла, ни

обида, теперь она смотрела на него так же, как и на Джули. Его счастье и благополучье было твореньем её рук.

– Здравствуйте, господин барон, очень рада знакомству с Вами и Вашей очаровательной супругой. – Маленькая Милидия осмелела, благосклонная улыбка играла на алых губах волшебницы – я, кажется, забыла представиться, госпожа Милидия Фейрфак – и она склонилась в реверансе, позволив себе, однако следить за бароном из-за ресниц, так, чтобы этого никто не замечал.

«Вы изменились, господин барон и я счастлива этой перемене» – подумала она. Впрочем, от неё не укрылась и другое на его лице вместе с учтивой улыбкой, будто скользнула и тень воспоминаний, но узнать он её, не мог, потому что об этом, очевидно, кто-то позаботился.

«Что же следовало и ожидать. Какие глупости порой приходят в голову. Я есть! Просто некто неизвестный и всемогущий умело заметал следы, что же должно быть с практической точки зрения оно и к лучшему. И всё-таки я хотела быть сегодня здесь одна».

– Сударыня, благодарю Вас за те известия, которые Вы принесли.

– Рада Вам служить, господин барон, если Вам угодно пишите письмо, я передам его Вашему брату.

– Да, конечно, Джули проводи госпожу Фейрфак, в гостиную, Вы ведь можете обождать с полчаса?

– Да.

Джули в это время подозвала ключницу и попросила у неё связку ключей.

– Сударыня, – обратилась она к Милидии, – Вы хотели осмотреть замок?

– О, Вы так добры.

– Можете ходить, где хотите, вот ключи от всех комнат поместья, должно быть Вам как иностранке, это действительно интересно.

– Благодарю Вас.

Она прошла в библиотеку, прекрасную и очень разнообразную, её когда-то собрали для неё. Посреди всей этой тишины она, точно ощутила на себе взгляды любимых книг. Старые знакомые, родные вещи, её вещи. Полу печальная улыбка озаряла прекрасное личико Милидии, но, сколько любви было в ней, она жила ею. Хотелось, и смеяться и плакать. И кто знает о том, сколько было лет одиночества, которое было скрашено этими вещами. Но всё изменилось. И должно быть Фискал прав: « Две души несущихся в пространстве и это уже не одиночество». Но разве он всё знает и понимает?! Нет. Но ведь он ищет, он сумел успокоить тревожное сердце, он вернул его к жизни и теперь она снова полна сил. У неё ясный ум и благородная, добродетельная душа. И разве ей не следует больше доверять ему. Нет, больше чем доверилась она доверяться нельзя. Нельзя растворяться полностью в одном человеке, пусть даже так горячо любимом. Она сохранит тайну своей свободы и любви к

жизни, сохранит тайну своей печальной гордости и самоотверженно благородства.

Она прошла в рыцарскую залу. Там на стенах висели старинные мечи и арбалеты, мушкеты, копья, щиты. Девушка остановилась перед фамильной шпагой, той вместе с которой был изображён на портрете молодой офицер. Мгновение и шпага оказалась в руках волшебницы. Несколько раз, точно испытывая себя, она взмахнула ею, а затем увлечённо принялась отражать выпады невидимого соперника. В движениях Милидии было столько ловкости и опыта, что ей вполне вероятно мог уступить и весьма умелый фехтовальщик.

– Bravo, сударыня – Милидия остановилась и стыдливо потупила глаза, за вышеописанным занятием её застал барон. – Признаться, я впервые вижу женщину, которая так бы ловко обращалась с оружием.

– Простите, я увлеклась.

– Но где Вы этому научились?

– В детстве меня обучали фехтованию, верховой езде и стрельбе.

– Вот как! Что же Вы получили весьма необычное образование для девочки.

– Должно быть это так.

Он с долей прежнего любопытства осмотрел её. С той же смелостью она осмотрела его.

– Знаете, мне, кажется, эта шпага принадлежит Вам, и эти

револьверы тоже.

Она открыла футляр, который он подал ей, там лежали два револьвера искусной работы, с ручками из слоновой кости, они когда-то принадлежали её дяде. Несколько мгновений они молчали, и она смотрела на него глазами ребёнка, столько искренней благодарности было во взгляде Милидии:

– Как я могу благодарить Вас, Вы, Вы даже представить себе не можете, что сделали для меня.

Он покровительственно улыбнулся.

– У Вас детское лицо, когда смотришь на Вас, создаётся впечатление, будто Вам тринадцать или пятнадцать лет, никак не более.

– Мне почти двадцать один год.

– Да, должно быть так, слишком серьёзные глаза выдают. Вы, кажется, говорили, что можете передать моё послание Эдварду.

– Да, конечно.

– Возьмите этот пакет, в нём находится одна старинная вещь, я думаю, он поймет, что с ней делать.

– Что-нибудь ещё?

– Пожелайте ему счастья, надеюсь, наш юный мечтатель наконец-то войдёт в пристань простого семейного покоя.

«Плохо же Вы знаете Вашего брата, господин барон, – не удержалась от мысленно игривого замечания Милидия – такие натуры скоро не успокаиваются. Нет, Вашего покоя он не нашёл, но он нашёл понимание, впрочем, так же как и я».



– Я должен проводить Вас?

– О, благодарю, но не стоит, мой экипаж скоро прибудет, до свидания, – она пожала ему руку.

– До свидания, – произнёс он, но Милидии показалось, что барон тихо добавил, – госпожа графиня.

Выйдя из замка, окутанная своим серебряным плащом она дошла до маленького домика. Сдавленный крик вырвался из её груди, он напоминал крик ночной птицы. Затем графиня Тересса-Милидия-Дарианна-Виктория-Доротея де\*Шеврез растворилась в последнем вечере августа. Она ушла туда, где её ждали.

### **Глава 3. Посвящение в рыцари.**

Юноша сидел в кресле. Он был недвижим и изучающе рассматривал портрет девушки, освещённый несколькими свечами. Перед ним на столе стоял изысканный ужин, но еда была не тронута, все его мысли занимала она одна, он терпеливо ждал её.

Несколько мгновений она следила за его взглядом, прежде чем, произнесла, обнаруживая своё присутствие:

– Ты думал обо мне?

Он встрепенулся и встал, выходя её на встречу:

– Я действительно думал о тебе, Милидия – он взял её руки – я думал о тебе много и хорошо.

– Достойна ли я так долго занимать мысли такого прекрасного и талантливого человека, как ты?

– Да, ты, лучшее, что могло случиться со мной.

– Но ведь тебе со мной трудно, с другими проще?

– И примитивнее. Молчи, я знаю наперёд все, что ты скажешь: гордость, своеобразие, взбалмошность и порой излишняя строгость. Я скажу по-другому: слишком чувствительное сердце, богатое воображение, нестандартное мышление и сильный характер. Да, именно сильный, иначе бы ты быстро сломалась и стала бы ещё проще и ограниченнее прочих.

– Значит таков диагноз, почему же в таком случае он проявляет себя подобным образом?

– Сейчас объясню, что ты делаешь, когда у тебя замерзают руки?

– Надеваю перчатки.

– Здесь точно так же, ты надеваешь перчатки гордости и строгости, чтобы защитить своё излишнее чувствительное сердце и слишком свободолюбивое сознание от всей боли, которую тебе нередко просто бессознательно причиняют. Всё это от того, что тебя не сумели понять, ты улетела слишком далеко от них, туда, где тебе было холодно и одиноки и, чтобы не погибнуть ты и надела эти перчатки.

– В таком случае, ты чтобы согреться жёг спички своего остроумия?

– Недурно сказано... Но вспышки моих язвительных замечаний слабо согревают. К тому же мы с тобой знаем, как опасно играть с огнём. Есть третий выход: взять в свои руки чужие и холодные ладони и, сжимая их притянуть к сердцу.

– И что же?

– Ладони маленькой и хрупкой, но смелой женщины согреются, а от них согреются и мои руки.

– А как быть с моими перчатками?

– С какими перчатками? Ах, с перчатками, они тебе идут, можешь надевать их на парадные выходы.

– Тогда и тебе будет позволено поджигать бенгальские огни, только, пожалуйста, не слишком часто.

– Как пожелаешь. Ну, что это? – Он заметил старинную шпагу, которую сжимала Милидия. – Извольте объяснить сударыня, кому решил объявить войну такой доблестный военачальник как Вы?

– Никому, просто свою шпагу ты сломал, защищая меня, поэтому считаю своим долгом возместить потерю.

Щёки молодого человека зардели.

– Разве ты забыла, как должен быть вручён такой подарок? А, теперь я понимаю, ты просто не из тех девушек, что была воспитана на рыцарских романах.

– Ты не исправим, неужели так необходимо всё обращать в шутку?

– А я не шучу – и он опустился перед ней на одно колено – отныне и в веке веков клянусь защищать жизнь, честь и счастье моей возлюбленной. Да не коснётся лица её печаль! Где бы я ни был, я всегда буду помнить, и любить мысли и сердце её, так же, как люблю руки и губы её. Я люблю девушку, ставшую не просто королевой сердца моего, но и неотделимой частью души моей.

Он поцеловал её руку.

Как в старинные времена тронула она его плечи шпагой.

– Да восторжествует любовь и жизнь! – Закончила Милидия.

Фискал аккуратно уложил дарованную ему шпагу. Рядом Милидия поставила футляр с револьверами.

– Сударыня, да Вы, оказывается опасная штучка, право слово, я бы никогда не подумал, что ты так хорошо вооружена.

– Надеюсь, ни к чему из этого мне никогда не придётся притронуться, теперь ведь всё будет по-другому?

– Я обещаю тебе это. – Юноша спокойно приобнял плечи жены и подвёл её к накрытому столу.

«Он всё предусмотрел – подумала госпожа Фейрфак – впрочем, как и всегда. Никто не станет спорить с тем, что он романтик и мечтатель, но его мечты не пусты. Он знает что делать, умеет действовать, порой даже слишком дерзко и настойчиво, но иначе ведь ничего не добьёшься. Он практичен, но действительно любит меня, значит, сердце моё не ошиблось».

Последняя ночь августа озаряла возлюбленных. Месяц покоя кончился.

Тогда в их греческом домике, первые дни тревога и сомнение появлялись, ни на гордом лице, нет, им она владела вполне, но в движениях, в касаньях рук, в глазах хрупкой женщины, они не могли лгать. Но с неизменным разумным

спокойствием, мягко и настойчиво он прогонял их. Солнце, море, лёгкий ветер, уединение пошли на пользу Милидии, они излечили стыдливость нежных рук.

Видя, что природная, живая игривость проснулась в девушке, юноша стал медленно выводить её из их уединения. Свои вечера они теперь проводили в театрах и на концертах, а потом долго гуляли по ночному городу и целовались под фонарями. То и дело где-нибудь в Турине, Тулузе или Мадриде появлялись они на каком-нибудь маскараде и оба покоряли сердца всех людей своим очарованием. В лёгкой венецианской гондоле или же в уютном парижском кафе встречали они рассвет. Всеобщее удивление вызывали юные волшебники, когда появлялись неожиданно на палубе роскошного парохода, путь которого лежал из Чикаго в Ливерпуль. Каждому хотелось воскликнуть: «Откуда это такие?» И если кто-то из любопытных задавал им этот вопрос, то в ответ девушка улыбалась, точно подавляя смех, а её муж театрально поводил бровью и доставал визитную карточку, которая говорила сама за себя. Они подолгу танцевали на верхней палубе, и ветер с моря целовал их разгорячённые лица. А поутру таинственные путешественники исчезали, и сама память о них стиралась.

– Завтра нас ждёт триумф, не так ли, госпожа Милидия Фейрфак?

– Мне, кажется, ты с ним и не расстанешься.

– Весь мой триумф, это ты.

## Глава 4. Парис и Елена.

На больших часах пробило ровно двенадцать. С последним ударом, точно из воздуха возникла прекрасная, блистающая пара, покоряющая сердца своей юностью и очарованием. По случаю недавнего торжества на обоих были ослепительно белые одежды с золотым искусным шитьём. Белый – цвет благородства и чистоты, эффектно подчёркивал красоту молодых возлюбленных. В белом камзоле, к поясу которого была пристёгнута старинная шпага, статный юноша был похож на принца из средневековых фарсов. Ослепительно белое платье открывало плечи его жены, такие, точно выточенные из слоновой кости, на которые падали локоны её тёмных волос и прозрачная мантилья из кружева и золотой вышивки, заколотая на испанский манер. Эта маленькая, хрупкая девушка с королевской осанкой, вздёрнутым носиком и робко припущенными ресницами была похожа на юную инфанту. Окончательно располагали окружающих к ней её лучезарная, светлая улыбка и нежные черты лица, выдающие живой ум. Она была прекрасна. На неё хотелось смотреть, её хотелось любить, просто потому, что она есть, потому что она такая.

– Господа, – произнёс Фискал, выждав мгновение, во время которого позволил окружающим полюбоваться его супругой – позвольте представить Совету Волшебников мою жену, госпожу Милидию Фейрфак.

Немного ироничная улыбка чуть скользнула по его губам

и задержалась в васильковых глазах. «Кажется, я говорил Вам, господа, что Вы ещё услышите имя Милидии Фейрфак» – был скрытый подтекст.

Молодые супруги стали торжественно подниматься, проходя меж лож.

От Фискала Милидия знала, что Совет разделяют на шесть Лож и отдельное место, место Председателя. Первая – Красная Ложа в неё вводятся очень молодые и неопытные волшебники, или те, кто в силу своей ограниченности не двинулись дальше. Вторая Ложа – Зелёная, на ступеньку выше Красной. За нею Синяя, в неё, минуя две первые, были введены Эдвард, Зинзивер и Оливия. Далее Бронзовая, к ней, до исключения принадлежали Фискал, Артур, Юнона и Иванджелина. Впрочем, вследствие недавних событий, трое последних были восстановлены, и даже повышены до Серебряной Ложи. Затем, самая почётная Золотая, места в ней занимали наиболее опытные и мудрые волшебники, лбы которых покрывали почтенные седины. Место Председателя уже тридцать пять лет занимал Леоне Эвирлок. Согласно цвету ложи волшебники носили красные, зелёные, синие, бронзовые, серебряные и золотые мантии, цветом Председателя был белый.

В их движениях не было ничего искусственного, они были просты и чисты, и должно быть от того так величественно юноша с девушкой поднимались к месту Председателя. Тишина была нарушена, многие волшебники перешёптывались

друг с другом. Милидия заметила, что какой-то неприятный человек, который в придачу к лицу, выражающему вульгарность и циничность, постоянно курил папиросы, обернулся к Эмилю Сюди, своему соседу и, оскалившись, произнёс.

– Кажется, нам следует ожидать новой Троянской Войны, ведь наш Парис похитил свою Елену.

– Вы это находите?

– Да, определённо, малышка недурна, не так ли, Фруалис?

Женщина, к которой он обратился, была ярко накрашенная блондинка лет двадцать трёх, своими ледяными глазами безразлично осмотрела госпожу Фейрфак и ответила:

– Не понимаю, что Фискал нашёл в ней, по-моему, она слишком бледна, худа и мала ростом.

– Да Вас задела эта крошка.

– Ничуть, у неё на лице написано: «дурочка», а вкус у Фискала сильно испортился за последнее время.

Бледные щёки Милидии зардели, оттого, что она чуть со стыдливостью ребёнка потупила глаза, мантилья полностью закрыла её лицо. Фискал чуть сильнее сжал ей руку. Девушка подняла на него глаза. Юноша ободряюще улыбнулся ей и указал взглядом в другую сторону. Личико Оливии приветливо сияло, Эдвард и Зинзивер тоже выразили глазами, что рады видеть госпожу и господина Фейрфак. Мягкий взгляд Юноны, восхищённое выражение лица Ивы и искренняя улыбка Артура снова вернули Милидии веру в себя. Она подняла глаза и поблагодарила всех своих друзей



одной из своих самых лучезарных улыбок. Фискал всё-таки воспользовался мгновением и послал обидчикам взгляд, который означал: «Мы сведём с Вами счёты, потом».

Эмиль Сюди, уловив его, заметил:

– Готовьтесь, господа, к самой изысканной мести, всем известно, что никто не умеет так утончённо казнить язвительным словом, как господин Фейрфак.

– Ну, это мы ещё посмотрим – Фруалис в очередной раз ехидно сжала губы.

Председатель встал и все тут же умолкли. Он прошёл несколько шагов навстречу Фискалу и Милидии. Юноша склонился в почтительном поклоне, девушка присела в реверансе. Из-под своих густых ресниц она изучала этого всеми уважаемого человека, что поделать, ведь она была любопытна как все женщины.

– Я рад приветствовать Вас, господин Фейрфак и Вашу прекрасную жену – произнёс Леоне Эвирлок.

## **Глава 5. Председатель.**

Необыкновенная гробовая тишина обрушилась на Милидию. Стало очень тихо, так тихо не может быть в зале, где несколько сотен человек. Госпожа Фейрфак подняла глаза и осмотрелась. Все люди вокруг застыли, как статуи, она прикоснулась к Фискалу, но он не шелохнулся.

– Прошу Вас не беспокоиться, госпожа Фейрфак – единственным человеком, который остался в движении был Леоне Эвирлок, он ласково взял руку Милидии – я сделал это,

для того, чтобы поговорить с Вами, юная леди.

— Я рада Вам служить, впрочем...

— Что впрочем?

— Впрочем, едва ли вы извлечёте хоть немного пользы от разговора с такой неопытной и неискущённой особой, как я, ведь я почти ребёнок.

Старик улыбнулся, подобные слова явно позабавили его.

— У такого как Вы ребёнка хватило смелости поступить благородно и великодушно. Вы сильная, Вы очень сильная. Я не буду просить Вас рассказать о том, что произошло между Вами и господином Тальфом Аренс, правды я бы не добился от Вашей скромности.

— Вы знаете о том, что произошло, откуда?

— От господина Аренс, он явился ко мне и повинился во всём, и рассказал о Вашем поступке. Это было несколько позже всех событий. Если я хоть что-то смыслю в жизни и хоть немного разбираюсь в людях, то он и госпожа Милюзетта Аренс искренне раскаиваются в своих поступках и ныне удалились от дел и предпочитают теперь ни во что не вмешиваться.

— Что же, они заслужили покой. Могу ли я теперь, свидеться с ними?

— Да, о том, где они теперь знаем только Вы и я... из соображений осторожности мы с Вами пока сохраним тайну.

— Да, конечно, я понимаю, если бы о том, что господин Аренс жив узнали...

– Волшебники бы набросились бы на него, и даже я бы не смог их остановить.

– Но...

– От чего Вы опять покраснели? – действительно лицо де-вушки залила алая краска.

– Должна ли я скрыть это от тех, кто столько со мной пережили и вопреки всему остались моими верными и надёжными друзьями, и от моего мужа?

– Разумеется, я не вправе просить вас об этом. Вы так честны и умны, что прошу Вас, решите это вопрос сами.

Перед глазами Милидии промелькнуло лицо Фискала, таким она видела его только раз, лишь однажды... Это красивое лицо благородного, умного и талантливого человека было так искажено, что он стал неузнаваем. Слишком много боли и страха, и ненависть, которую он раньше никогда не знал, всё это было в нём. И глаза, полные такой мучительной решимости: « Я убью его!» – произнёс он тогда.

Молодая женщина устремила глаза куда-то далеко, должно быть для того, чтобы никто не видел нескончаемой печали, что растворилась в них. Душа её рвалась из рук и сумасшедше крутилась от сомнений, но ни одна черта её лица не изменила ей, она осталась, так же непроницаемо горда, когда прошептала:

– Я не могу ему лгать, но и сказать правды не должна. – Теперь она уже обратилась к господину Эвирлок – я понимаю всё. Мой муж так умен и талантлив и непременно вне-

сёт много прекрасного в наш мир. Он любит меня сильно и страстно... я тоже люблю его так сильно, как могу любить. Именно поэтому я отвечаю за слишком многое. Если теперь он отмстит, тогда эта жестокость пробьёт в его душе такую трещину, которую уже ничем не склеишь. Я буду молчать.

– Смелая и благородная девушка, он не ошибся в Вас. Теперь о другом, что же всё-таки произошло после того, как Вы расстались с господином Аренс. Он говорит, что Вашей жизни угрожала смертельная опасность, и что он дал Вам совет, как её избежать.

– Это правда.

– Но Вы не воспользовались им, почему?

– Не могла поступить иначе.

– Те звёзды падали из-за Вас, это очевидно, но как Вам это удалось?

– Этого я не могу сказать, потому что сама не понимаю этого окончательно. Кроме того, сейчас бы я не могла назвать причин побудивших меня к этому. Всё что я помню, это то, что это был какой-то полёт, лучше сказать ощущение свободы. Но всё это так туманно, вообще все, что касается чувств, не описывается словами и не объясняется логикой.

– Крылатый путник жалок на Земле – прошептал Леоне Эвирлок, будто бы поняв мысль Милидии, которая была высказана столь странно. Кроме того в его лице проскользнуло что-то напоминающее её воодушевление.

– Да, это так, я знала, что упаду.

– И всё-таки летели?

В лице гордячки проскользнул вызов.

– Летела.

– Но пришёл момент, и Вы упали. Те, кто видели Вас в тот момент, говорят, что Вы были очень больны, но никто не может назвать этой болезни. Вы угасали миг за мигом. Ваша болезнь имела не просто физический, но и душевный характер. В Вас будто бы что-то сломалось, что-то очень важное, то без чего нельзя жить.

Очередное воспоминание промелькнуло перед ней.

«Победа доброты не так уж неизбежна, ей мало Ваших клятв и много надо сил» – издеваясь, говорил Тальф.

– Всегда ломается что-то важное в том, кто слишком долго был сильным.

– Что это было?

– Господин Аренс называл это жизненными силами, я не уверена, что это было так, но другого названия придумать не могу.

– Тем не менее, Ваши друзья, кажется, знали способ сохранить Вашу жизнь, от Вас требовалось одно, Вы должны были захотеть жить.

– Да, они говорили мне тоже самое.

– Но Вы, это что-то немыслимое, неужели Вы не хотели жить?

– Хотела, но должно быть недостаточно сильно, раз у них ничего не получилось. Кроме того, Фискал... я не хотела,

чтобы одно лишь благородство и жалость привязывали его ко мне.

— Вас что-то задело в его поведении?

— Напротив. Он, кажется, простил мне всё, а ведь я была виновата перед ним. Когда это происходило, я не думала о том, сколько несчастья принесёт мой поступок тем, кто меня любит. Он любил меня больную, несчастную, измученную и разбитую, он просил меня лишь об одном, о том, чтобы я захотела жить. И всё-таки я боялась, я не хотела мешать ему, не хотела, чтобы он рвался между порядочностью и своими чувствами, не хотела приносить ему страдания.

— А потом?

— Он ушёл, я жестоко настояла на этом, я почти, что прогнала его от себя. И когда он ушёл, мне стало так спокойно и хорошо. Я уже не чувствовала ни боли ни страха, я не о чём не думала, я жила лишь ощущением покоя. Наверное, я спала, тихо и безмятежно, как спят в детстве. Потом начался рассвет, солнце осветило меня, оно играло в моих ресницах и глазах, я жмурилась, как ребёнок. Потом, поняв, что настало хорошее и светлое утро, я поднялась с постели и стала расчёсывать свои волосы перед зеркалом, припевая строчки простой песенки. Я даже не сразу поняла, что произошло, ведь накануне у меня отняли улыбку, мой голос сломался, а волосы посидели. А между тем, я любовалась собой в зеркале, я улыбалась, непосредственно радуясь всему, мои тёмные волосы играли в солнечных лучах, весело переливаясь,

и голос звучал так звонко и чисто. От всего этого я не сразу поняла, что произошло, а когда поняла, то совсем не удивилась. Это показалось таким естественным. Вот, кажется и всё, простите, я наговорила глупостей.

– Кто же Вы такая, госпожа Фейрфак, я видел много людей, но никого подобного Вам не встречал?

Глаза Милидии были беспредельны, они выдавали живой ум и таинственное счастье.

– Да, кто же Вы, наконец?

– Этого я не знаю.

– Дважды Вы сделали невозможное, те звёзды и то, что Вы остались живы. Вы как птица Феникс восстали из пепла и ничего из этого не можете объяснить, дважды невозможное!

– Но невозможное сегодня становится возможным завтра.

– Не сейчас, но через некоторое время, Вы могли бы совершить нечто равное этому или хотя бы раскрыть хоть одну из тайн, окружающих Вас?

– Не думаю. Это было таким чудом, которое не объясняется, это просто, здесь нет никакого алгоритма или я боюсь искать разгадку.

– А ваш муж?

– Он не хочет возвращаться к этому, и я понимаю его.

– Хорошо, теперь о господине Фейрфак. Вы умная девушка, но вопрос, который я Вам задам слишком серьёзный, Вам бы следовало знать слишком многое, но у нас слишком мало времени, сейчас я вам всего этого не объясню, скоро кто-

нибудь из волшебников разгадает мою маленькую уловку и что-то мне подсказывает, что это будет господин Фейрфак. Ему всего двадцать три года, но у него есть талант и ещё кое-что чего не достаёт многим другим. Уже то, что он заслужил вашу любовь, говорит многое. Да, он легкомыслен, не в меру язвителен, никто не знает, что ждать от него, он максималист, как, впрочем, многие в юности, но всё же... С вами я могу быть откровенен, я уже не молод и таков закон жизни, должен буду уступить место кому-нибудь. Как Вы считаете, мог бы Ваш муж стать Председателем Совета Волшебников?

Старик и девушка в течение всего разговора, с проникательностью, делающей честь их наблюдательности и уму, изучали друг друга. У обоих в лицах читался живой интерес, ведь каждый встретил собеседника весьма достойного умом, способного понять душой, что ни маловажно порядочного, из чего следовало, что с таким человеком можно быть откровенным.

– Я не имею права в данном вопросе отвечать за моего мужа.

– Но на собственное мнение Вы имеете право?

– Моё мнение не может быть объективным, так как я молода, а молодости, как известно, присуще некоторые заблуждения или слишком категоричные суждения. К тому же я являюсь заинтересованной стороной и нельзя отрицать, что любя вижу всё в слишком ослепительных красках.

– Вы близки с ним по юности и нраву, и лучше всего по-



нимаєте, друг друга, поэтому я и спросил Вашего совета.

– В таком случае, прошу простить мою откровенность, Ваше предложение, безусловно, делает честь господину Фейрфак и мне самой, но едва ли оно действительно интересно нам.

– Вот как?

– Да, но позвольте мне договорить и не поймите неправильно. Власть не его стезя. Он путешественник и искатель, возможно, в чём-то немного авантюрист и бунтарь. Ему интересно исследовать, открывать нечто новое, но ни в коем случае не руководить. Такая должность не позволит раскрыть его способности. Вы поняли меня?

– Да, не случайно, он выбрал Вас. Ну что же, посмотрим, время покажет, а я пришлю Вам некоторые мои соображения через моего секретаря?

– Но как я узнаю его?

– Имя человека, исполняющего эту обязанность, не часто упоминается, но Вам я его назову. Это господин Патрик Солано, Вы, кажется, знакомы?

– Да, он был однажды мне представлен в доме господина Риверс, насколько мне известно, он тогда оказал нам важную услугу.

– Вы правы, у Вас прекрасная память, кстати, известно ли Вам об Институте Невероятных Чудес?

– Фискал что-то говорил об этом в последние несколько дней, но очень туманно.

– Сейчас я поручу господину Фейрфак реализовать этот проект, уж подобное занятие точно не покажется ему скучным, не так ли? Вы же будете его самым верным соратником, и Ваши друзья, конечно, тоже не останутся в стороне.

– Добрый день, господин Эвирлок – неожиданно раздался звонкий юношеский голос, васильковые глаза Фискала пытливо скользнули по Милидии, она же ответила ему смущённой улыбкой – простите мне дерзость, с которой я нарушил Ваше уединение, но всё же позволю себе заметить, что заседание Совета Волшебников не лучшее время для тайных разговоров.

– Я доволен Вами, господин Фейрфак, Вы довольно быстро разгадали мою маленькую хитрость. Но в том, о чём мы говорили, нет никакой тайны от Вас. Я посветил Вашу жену в идею о создании Института Невероятных Чудес, ну а Вас я хотел испытать.

– Я рад, что Вы довольны мною.

– Я вижу, что Вы можете возглавить Институт Невероятных Чудес.

– Я постараюсь не разочаровать Вас.

– Прежде чем Вы приступите к своим исследованиям, ознакомьтесь, пожалуйста, с некоторыми моими пожеланиями – и господин Эвирлок протянул Фискалу запечатанный пакет – мне кажется, Вы найдёте там что-нибудь полезное для себя. Однако не пора ли вернуть время на место, не хотите попробовать, госпожа Фейрфак?

– Хорошо, я попытаюсь.

Лицо у молодой девушки было весьма серьёзно и сосредоточено, оно имело такое особое выражение, которое бывает у человека, когда он думает о чём-то одном, особенно важном, не замечая ничего прочего. Люди всегда особенно красивы, когда о чём-то думают, в их жестах и выражениях появляется нечто особое, возвышенное и одухотворённое. Молодой человек любовался воодушевлением своей жены. Эта необыкновенная девушка казалась в эту минуту неземным созданием.

– Хорошо, очень хорошо, девочка – про себя произнёс Леоне Эвирлок.

Снова стало шумно, люди в своих креслах задвигались и стали переговариваться друг с другом. По некоторым особенно пронизательным лицам скользнула заинтересованность, которая, впрочем, была талантливо скрыта, многие же и вовсе ничего не заметили.

– Объявляю заседание Совета Волшебников открытым, – произнёс Леоне Эвирлок, – хочу начать его с введения в Серебряную Ложу, господина и госпожи Фейрфак, займите свои места.

Юная пара спустилась к Серебряной Ложке. Милидия заняла место рядом с Юноной Риверс, Фискал напротив девушек.

– Вы были прекрасны – прошептала Юнона – особенно ты, моя маленькая королева любви и красоты.

– Спасибо, – смущённо произнесла Милидия.

– Ничего не бойся, – прошептала подруга, – верь мне, теперь всё будет хорошо.

## **Глава 6. Важный разговор.**

Черничный шербет обжигаяще таял на губах. Бесспорно, итальянское мороженое одно из лучших изобретений человечества, особенно в знойный римский полдень. Фискал оплатил счёт за обед и выложил щедрые чаевые.

– У нас есть ещё с полчаса, может чуть больше, не хочешь ли погулять по Риму? – Спросил он Милидию.

– А как же вечерний приём?

На вечер в доме молодых супругов было назначено торжество, в честь их вступления в Совет, и на него были приглашены все члены Совета Волшебников. Это был первый вечер, который Милидия устраивала, как хозяйка и первый раз, когда она должна была появиться в обществе в роли жены, должно быть от того излишне впечатлительная девушка так тревожилась. Кроме того, нельзя было отрицать того вечного стремления женщины к идеальному порядку в её доме, которое живёт во всех представительницах прекрасного пола.

– Разве мы успеем подготовить всё до вечера?

– Ни о чём не беспокойся, обо всём давно позаботился наш мажордом.

– Разве у нас есть мажордом?

– Конечно, разве ты не знала, – он игриво улыбнулся, – как

в любом уважаемом доме у нас есть мажордом, экономка, целый штат горничных, лакеев, камердинеров, официантов, поваров и мороженщиков.

– Иного я и не ожидала от тебя, что же весьма остроумно нанимать слуг всего на один день.

– А вот они, к твоему сведению, считают, что служат у нас не первый год. Экономка помнит тебя ещё пятилетней девочкой, а главный конюх рассказывает о том, как учил молодого господина держаться в седле.

– Я поражена твоим даром убеждения.

– Ничего особенного, лишь смешение чёрной и белой магии.

Так, держась за руки, они шли по Пьяца-дель-По-Поло.

– Милый мой, – шепча, произнесла Милидия, с особой нежностью прижавшись к мужу.

– Что тревожит тебя сегодня, любовь моя? – В васильковых глазах промелькнула не шуточная озабоченность. Слишком хорошо он знал, что если засела какая-нибудь боль в сердце его возлюбленной, то эта необыкновенная девушка откажется на любое безрассудство. Никогда ни жестом, ни, словом эта маленькая гордычка не молила о жалости. Душа её в былое время много выстрадала, но никогда она не говорила об этом ни тем, кого любила, ни тем, кто любил её. Но от этой скрытности боль не стихала и потом долгое, бесконечное время она изводила Милидию. Слишком хорошо знал это человек, который взялся вылечить её, который глав-

ной своей обязанностью считал обеспечить счастье любимой девушки. В своё время слишком дорого поплатился он, за то, что не придавал значения своим словам и поступкам. И теперь, когда рядом с Фискалом поселилась, чудом спасшаяся, такая чувствительная, но поражающая своей самоотверженностью девушка, он не должен был больше ошибаться.

– Нет, ничего, просто один вопрос, я много думала об этом, но никак не могу отыскать верного ответа.

– Какой вопрос?

– Можно ли простить то зло, которое тебе причинили?

Юноша отвернулся.

– Нет – через несколько мгновений глухо выговорил он, – зло всегда должно быть наказано.

– Но если человек искренне покался?

– А если, то, что он совершил непоправимо?!

– Волшебники прекрасно знают, что непоправима одна лишь смерть.

– Хорошо, – щёки молодого человека зардели, а глаза источали нехороший разгорячённый блеск, – я не спрашивал тебя ни о чём, в этом ты не имеешь права упрекнуть меня. Я обвиняю Тальфа и Милюзетту в том, что они пытались убить тебя, прибегая к самым жестоким методам и самым подлым и низким интригам. И это далеко не единственное обвинение, которое я могу предъявить им и готов повторить его хоть перед всем Советом, хоть перед всем миром. Милюзетта – женщина, и к тому же, – он хотел добавить моя

тётя, но осёкся – ты понимаешь, я не стану сводить счетов с женщиной. Но Тальф, если только он жив, в любое время дня и ночи он ответ мне за всё, на шпагах или на пистолетах он предоставит мне отчёт.

– Ты вызовешь его на дуэль? – Воскликнула девушка.

– Да. Потому что это моё дело и только моё дело!

– Хорошо, – Милидия потупила глаза, теперь во лжи надо было идти до конца, – я скажу тебе правду. Тальф умер. Не знаю, может ли зло разорвать сердце человека, но должно быть так было с ним. «Победа доброты не так уж неизбежна, ей мало Ваших клятв и много надо сил» – прокричал он, и я почувствовала, как во мне что-то надломилось. А он тут же упал замертво, это было очень похоже на разрыв сердца. Вот и всё. Зло наказало само себя.

Девушка говорила с необыкновенной решительностью, и всё-таки боялась себя выдать. Если бы её спросили: «Что самое отвратительное из того, что Вы сделали за свою жизнь?» – она бы подумала только об этом моменте, о том, как она нагло врала человеку, который за одно только её имя готов был пожертвовать жизнью.

«У меня лишь одно оправданье, я делаю это ради моего мужа» – подумала она, когда они стали возвращаться домой.

## **Глава 7. Вскрытие пакета.**

– Милидия, если хочешь, осмотри, как идут приготовления к вечеру, отдай свои распоряжения и пожелания и поднимайся ко мне в кабинет.

– Да, конечно.

Она спустилась в столовую, которая вдруг стала в разы шире. Молодую хозяйку сопровождали мажордом и экономка. Горничные стелили кружевные скатерти, расставляли фарфор, серебро и хрусталь. Все представленные вещи были крайне изящны, имели претензию на роскошь и в тоже время были лишены какой бы то не было крикливости. Предметы в столовой и гостиной, которая тоже возросла в размерах и была должна исполнять роль бальной залы в этот вечер, поражали воображение своей лёгкостью и ажурностью. Для глаз зрителей создавалось прозрачное ощущение воздушности, всё это звало к полёту. Милидия не без удовольствия отметила обилие живых цветов, из которых опытные флористы составляли букеты и гирлянды. Девушка лично удостоверялась в том, что все музыкальные инструменты хорошо настроены, а затем спустилась в сад.

Здесь так же всё было готово для танцев. Больше всего поражало то, что сад был разбит на несколько секторов, каждый из которых предоставлял свои развлечения. Возле пруда расположились хорошенькие актрисы в образах русалок, на лужайке балерины готовились к представлению, гуляя по саду по саду можно было встретить человека в костюме паяца, арлекина, пьеро или барда который тут же выдавал зрителю стихотворную импровизацию. Отдельные часть сада были оформлены в русском, японском, французском, древнегреческом или средневековом стилях. Таким образом, гости



могли совершить путешествие во времени и пространстве всего за несколько часов.

– Господин Дипье, – обратилась Милидия к управляющему, – к чему же нам столько фонариков?

– Для освещения, сударыня, господин Фейрфак запретил устраивать фейерверк.

– Вот как, – от Милидии не укрылась необычность этого приказа.

« Фейерверк непозволительно похож на падающие звёзды, – подумала девушка, – вот он и не хочет, чтобы они падали».

Убедившись, что всё в порядке и, сделав несколько дополнительных распоряжений, госпожа Фейрфак направилась в кабинет к мужу. Догадываясь о том, что там она встретит своих друзей Милидия зашла к себе в спальню, чтобы забрать пакет, который накануне ей передал барон Джордж де\*Кверлик для своего брата. Девушка не ошиблась, когда она вошла в кабинет своего мужа, там её уже помимо Фискала ждали Артур, Юнона, Эдвард, Ива, Зинзивер и Оливия. Стоит ли говорить о том, насколько неподдельны были улыбки, объятия, смех и пожатия рук, которыми обменялись друзья. Схожесть характеров, открытость молодость, привязанность к мечтам, открытиям и приключения роднили эти светлые и прекрасные сердца. К тому же, события, которые пережили эти юные, но такие смелые и благородные люди, закрепили их дружбу навсегда.

– Однако Ваше путешествие, пошло на пользу Милидии, – заметила Иванджелина.

Действительно лицо молодой девушки посветлело, чертам вернулась улыбка, движениям природная живость. Из образа создающего её ушло впечатление шекспировской Офелии, делающее её похожей на юную трагическую леди.

– О, да, – ответил господин Риверс, – но не будем снимать вину с Фискала за то, что он похитил у нас свою жену, сразу после их венчания.

– Но я выполнил своё обещание и теперь возвращаю Вам её уже не загнанным серым мышонком, а той, кем она была всегда и стала снова моей загадочной, прекрасной чародейкой.

– Какими же загадочными микстурами ты пользовался, чтобы вылечить печаль нашей милой Милидии? – шутливо спросила Оливия.

– Ах, принцесса, позволь, я и тебе предложу немного моего чудодейственного лекарства, вот оно. Всего два слова: король и королева с нетерпением ждут тебя и Зинзивера и надеются, что свою свадьбу Вы сыграете у них в Рубиновом Замке.

Оливия мгновенно изменилась в лице, наивная красавица никогда не умела хорошо владеть собой и теперь в её хорошенькой непосредственности читалась такая неподдельная благодарность, что госпожа и господин Фейрфак ощутили, что все их утренние хлопоты не стоили и тени этой искрен-

ней улыбки.

— Как же нам благодарить Вас, за то участие, которая наша любовь нашла в Вас?

— Всем Вам прекрасно известно, господа, — ответил господин Фейрфак, — что это меньшее из того, что я могу сделать для Вас, ведь Вы, Вы все помогли мне сохранить моё главное сокровище, — и он кинул влюблённый взгляд Милидии, — и, следовательно, мне стоит помнить о благодарности.

— И ты не забываешь о ней, как видно, — произнесла Юнона, — и всё же самое прекрасное, из того, что ты сотворил, это Милидия, которую ты вернул нам такой счастливой.

— Господа — начала, молчавшая до этого госпожа Фейрфак — позвольте и мне сегодня немного побыть добрым волшебником, для тебя тоже есть хорошие новости, Эдвард, посмотри это письмо.

— Благодарю, Милидия.

Он быстро вскрыл пакет и стал бегло читать письмо. Все находившиеся в комнате и особенно Ива с явным участием наблюдали за бароном, лицо которого по мере чтения постоянно менялось. Закончив чтение, он радостный и поражённый обратился к госпоже Фейрфак:

— Что я узнал?! Так, значит, Джули...

— Да, твой брат и его жена живы и здоровы.

— Но Джули...

— Ты забываешь, что имеешь дело с настоящими волшебниками.

– Если это так, Милидия, то новости, которые ты принесла невероятны.

– В том, что это действительно так, ты можешь удостовериться лично, и я надеюсь, что вскоре ты и твоя жена навещите вашего брата.

– Непременно.

Юноша развернул пакет и достал из него маленький футляр. Открыв его, Эдвард показал друзьям небольшую рубиновую диадему.

– Ты узнала эту вещь, Мидидия?

– Да, это Ваша фамильная драгоценность. Эту диадему представитель Вашего рода преподносит своей невесте в день венчания.

Молодой человек подошёл к Иванджелине и возложил диадему на её голову. Рубины выразительно засверкали в русых волосах молодой женщины. Госпожа Орнальдегольд почувствовала, что все взгляды устремлены на неё, от того, строгая девушка выпрямилась и осмотрела окружающих выразительными ясными глазами. Но даже такие уловки не скрыли её счастливого смущения.

– Не пройдёт и несколько дней, как я смогу назвать свою кузину баронессой, – произнёс Фискал.

– Так же, как и тебя, теперь можно назвать графом, – отпаривала девушка, – ну, а Зинзивера не иначе, как Ваше Высочество.

– Что же, – весело заметила Юнона, – мы отыграли одну

свадьбу, а на очереди ещё две.

– Юнона, – продолжила Ива, – месяц назад ты проводила к алтарю Милидию, теперь окажи эту услугу и мне.

– С радостью, милая.

– А тебя, Фискал, – произнёс Эдвард, – тебя я прошу оказать такую же услугу мне и твоей кухне, будь шафером с моей стороны.

– Конечно.

– В таком случае, – заговорил Зензивер, – тебя, Милидия, и тебя, Артур я прошу быть свидетелями на нашей свадьбе.

Госпожа Фейрфак и господин Риверс заверили музыканта и принцессу в своей готовности исполнить эти роли на их свадьбе. После столь приятных обещаний Фискал с несколькими наигранной торжественностью провозгласил:

– Теперь, мы приступим к делу, ради которого собрались здесь.

– Постой, милый брат, – перебила его Ива, – прежде, чем говорить об Институте Невероятных Чудес, давайте внесём некоторую ясность в другой, неприятный, но всё же касающийся всех нас вопрос. Так что же всё-таки произошло с Тальфом Аренс?

Глаза всех присутствующих устремились в сторону Милидии. Девушка почувствовала, что её щёки выдают её. Второй раз повторять одну и ту же ложь слишком отвратительно. Но помощь пришла с самой неожиданной стороны.

– Он умер – выговорил господин Фейрфак.

Эта фраза уже не требовала никаких дополнительных объяснений, никто не хотел знать большего. Однако от проницательных глаз Юноны Риверс не ускользнуло смущение подруги. Рассудительная девушка не удовлетворилась этим ответом, но скрыла это, решив впоследствии поговорить с Милидией наедине.

– Теперь к делу – произнёс господин Фейрфак, но уже без прежнего азарта – сейчас я вскрыю пакет, который нам адресует господин Эвирлок. С Вашего позволения, я буду читать вслух, а позже, мы чуть подробнее всё обсудим.

Фискал сорвал печать, под внимательные взгляды своих друзей и начал читать.

« Я рад приветствовать Вас, мои юные друзья.

От имени Совета Волшебников, и от себя лично приношу Вам извинения за те события, которые Вам пришлось пережить. Вы знаете, что я лично редко присутствую на заседаниях Совета, и Ваше дело изначально было представлено мне в неверном свете. Но тем больше чести Вам, молодые люди, ведь Вы сумели справиться с ложью и клеветой, которой Вас окружили. И Ваша смелость, Ваша жертвенность, Ваш юношеский пыл и главное, Ваша дружба победили то зло, которое мы допустили». – Фискал на мгновение прервался. Не только он, но и другие были обеспокоены страшными воспоминаниями, о которых так легко судили те, кто с ними не соприкасались.

– Продолжай, – мягко попросила Милидия.

«Вы мне нравитесь, все ввосьмером. Какая тайная, необъяснимая сила притягивает друг к другу пылкие, честные юные души? Что связывает Вас? Это великолепно, что Вы так привязаны друг к другу, такая искренняя дружба, почти неестественна для нашего мира, где жизнь многих проходит в погоне за наживой и карьерным ростом. Но так же при Вашей открытости и чистоте, Вы не лишены и амбиций, Вы деятельны, умны и действительно талантливы. Необъяснимая светлая энергия бьёт из Вас ключом, а потому, Вы мне нравитесь.

Мои юные мечтатели, я предлагаю Вам весьма интересный опыт. Именно Вы возглавите Институт Невероятных Чудес. Без разногласий с Советом, а, напротив, с его позволения Вы займётесь тем, что, как нам известно, Вас давно интересует. В Вашем пользовании будут лучшие мировые библиотеки и архивы, Вы сможете совершать путешествия не только в пространстве, но и во времени, изучите новые методы магии, а может, и откроете новые направления в развитии чародейства».

– Что Вы об этом думаете? – Фискал опять прервался.

– Звучит недурно, однако продолжай, – попросила Ива.

«Мне кажется, именно Вы, господин Фейрфак достойны стать директором этого волшебного учреждения. Вы сердце Вашей компании, какое-то необъяснимое очарование помогает Вам собирать вокруг себя людей, кроме того, Вы так талантливы, у Вас нестандартное критическое мышление, Вы

энергичны, деятельны и идеи, которые Вы обычно предлагаете невероятны, но необыкновенно верны. Все давно отмечают Ваши лидерские качества, но в Вас нет ни лжи, ни фальши.

Вас же, господин Риверс, я прошу занять пост заместителя директора. С Вашим здравым смыслом, Вашей рассудительностью и точностью, Вы легко справитесь с данной работой. Кроме того, я буду спокоен, если при господине Фейрфак будет находиться человек Вашего склада. Должен же кто-то остужать его чрезмерный пыл и сдерживать его легкомыслие».

По лицам молодых людей скользнуло несколько игривых улыбок. Ничуть не смущаясь подобной критикой в свой адрес, Фискал продолжил чтение.

«Теперь, к лабораториям, которыми Вы займётесь, господа. Мне бы хотелось, чтобы Вы уделили особое внимание путешествиям во времени. Это неоценимый опыт и обширные знания, новые исследования, открытия, приключения, не так ли? Но подобные путешествия, пусть даже не очень продолжительные связаны с определёнными трудностями, крайне утомительны и требуют от тех, кто их совершает смелости и предприимчивости. Здесь нужен человек твёрдый и решительный, как Вы, господин де\*Кверлик. Мне кажется, что Вам, с Вашим характером и привязанность к путешествиям придётся по душе подобное занятие.

С другой стороны, мне бы хотелось, чтобы Вы и сами при-



нимали гостей. Да не удивляйтесь, именно гостей, из прошлого и будущего, выдающихся, талантливых людей. Может быть, Вам бы удалось брать у них интервью, да и просто общение с ними могло бы пойти Вам на пользу. Я думаю, этим следует заняться Вам, Юнона Риверс. Итак, Ваша лаборатория напоминает нечто вроде уютной гостиной, где тем, кого принимают приветливая, добрая девушка предлагает чай или кофе. Вам надо будет исполнить роль репортёра, журналиста, и да, с Вашим умом, Вашей общительностью, Вашим чудесным сердцем Вы легко найдёте самые важные и интересные вопросы. Подобное занятие будет необыкновенно полезно Вам и Вашим друзьям, Вы почерпнёте знания и опыт, и как знать, может быть, что-то из этого натолкнёт Вас на новые открытия.

Теперь о Вас, господин Джайсон. Насколько мне известно, Вы с Вашей тонкой душевной организацией необыкновенно чувствительны к красоте. Так воплотите же её в форму, и магия здесь поможет Вам. Поэзия и музыка, живопись и искусство, сделайте же прекрасное доступным для понимания.

Не заинтересовало бы вас так же и выведение магических существ. Идея практически фантастическая, но почему бы всё-таки Вам не попробовать, ведь невозможное сегодня становится возможным завтра. Займитесь этим, принцесса Оливия, мне кажется, Вам с Вашим мягким характером пойдёт на пользу данная деятельность.

Практика показывает, что мы прекрасно изучили болезни

физического характера, но мало что знаем о душевной боли. А ведь она является определяющим фактором, в вопросе будет ли человек жить или нет. «Человека можно спасти, если только он сам захочет жить» – говорите Вы, госпожа Орнальдегольд. Так разрешите эту дилемму, сударыня, разберитесь, от чего человек может разучиться смеяться и мечтать, куда исчезает улыбка, почему появляется отвращение к компании друзей, найдите причину всех этих явлений и устраните её. Это можно поручить лишь Вам, Вы так сведуще в этой области и уже работали с подобным случаем. Мне кажется, именно Вы должны возглавит Лабораторию Волшебной Фармации.

Ну и конечно Вы, таинственная госпожа Фейрфак, не хотели бы Вы заняться изучением механизмов, на основе которых построено колдовство? Попробуйте разные ключики, подбирайте, экспериментируйте, занимайтесь разработками новых колдовских устройств. Именно на Вашу лабораторию, юная леди, на Лабораторию Волшебной Механики я возлагаю большие надежды.

Ко всему прочему Вы можете отобрать себе учеников. Каждый из вас будет по часу в день проводить урок для юных волшебников. Наиболее способных ребят Вы можете взять к себе, для помощи в лабораториях, ведь у нас нет хорошо подготовленных специалистов в данных областях. Вот и займитесь этим.

Мне остаётся лишь пожелать вам удачи в Ваших начина-

ниях, господа. Остальное, а всё остальное у Вас есть. Я не знаю, какая счастливая звезда Вам светит, но определённо, она самая яркая».

«Зачем он про звёзды?» – Невольно мелькнуло в голове у Фискала. Его васильковые глаза обеспокоенно скользнули по жене. Милидия уловила его взгляд и мягко улыбнулась, будто бы говоря: «Не беспокойся ни о чём, со мной всё хорошо». Сама таинственность этого мгновения была столь же чужда всем остальным, сколько значительна для них двоих. Никто не заметил этой короткой паузы. Но всё же, даже, если чьи-то проницательные глаза и обратили на неё внимание, она едва ли была понятна кому-то кроме них. Всё осталось между ними двумя.

– И что же Вы обо всём этом думаете? – К господину Фейрфак вернулась его прежняя лёгкость и весёлость.

– Ну что же звучит весьма недурно. – Ива чуть улыбнулась.

– Но получится ли у нас? – Глаза впечатлительной Оливии беспокойно искали поддержки.

– Не попробуешь, не узнаешь, – Артур окинул девушку спокойным взглядом, – так что надо пробовать.

– Нет, господа, – Юнона мило засмеялась, – по мне так это прекрасно.

– К мечтам мы молодостью призваны, не так ли? – Закончил за неё Зензивер.

– Именно.

– И полные надежд и дум высоких, ждём на Земле свой звёздный час. – Эдвард привлёк к себе Иву.

– Так значит, решено, господа, мы принимаем предложение Совета Волшебников. – Фискал обернулся к Милидии, в его взгляде и голосе проскользнула плохо скрываемая нежность. – А ты, что скажешь ты?

– Где ты, там и я, супруга верная твоя.

– В таком случае, позвольте поцеловать Ваши ручки, Заведующая Лаборатории Волшебной Механики.

## **Глава 8. Ещё одно совещание.**

Леоне Эвирлок устало наклонил голову на плечо, сидя в глубоком кресле, старик изучающе рассматривал молодого человека, работающего за письменным столом. Всё в нём было как-то очень правильно и точно заостренно, право, в его чертах было слишком много острых углов: аккуратно уложенные прямые, графитового цвета волосы, губы, не умеющие улыбаться, или по крайней мере слишком редко делающие это, треугольный подбородок, чернеющие брови, вздёрнутый нос. Он не был красив, но должно быть, стоило бы ему захотеть изменить выражение лица, сбросить маску серьёзности, он бы стал весьма привлекателен. Леоне Эвирлок ещё раз обеспокоенным взглядом окинул своего помощника, слишком уж тревожила его бледность господина Солано.

«Что за мода пошла среди молодых людей на эту нездоровую бледность, на кого из них не посмотришь, у каждого из них лицо, точно полотно. И эта маленькая аристократка

Милидия, она сама белая, как звезда в ночи. Милая, благородная, недостижимая девочка. И Фискал, как он изменился в последнее время. Но они привыкли летать, они ведь живут среди своего бескрайнего небесного пространства. Я поражён, право, эти двое, я не думал, что меня ещё можно чем-то удивить. Они ведь всё-таки встретились, и, несмотря на всю свою спесь, они всё-таки поняли друг друга. Такие встречи происходят раз в тысячу лет, и они ещё себя покажут, я в этом не сомневаюсь. Н? меня беспокоит Патрик, неужели тоже любовная лихорадка, едва ли, а всё же, как знать? Быть может, Шарлиза? Да, должно быть, во всяком случае, похоже на то, интересно, давно ли?»

– Так вы исполните моё поручение, Патрик?

Молодой человек оторвался от своих бумаг и потерянным взглядом посмотрел вокруг.

– Конечно, господин Председатель, – отчеканил он.

– Вы беспокоите меня Патрик, прошу Вас, развейтесь, останьтесь, скажем, сегодня на праздник. Дурно в Вашем возрасте избегать танцев и веселья.

– Я исполню Ваше поручение и, соблюдая все необходимые приличия уеду.

– Почему же так?

– Я не люблю праздности и шума.

– Вы погубите себя однообразной работой. Прошу Вас, проведите этот вечер у господ Фейрфак, ведь именно Вы помогли тогда мне и всему Совету отделить истину ото лжи,

ведь именно Вы склонили его принять сторону этих смелых молодых людей, так что в их победе есть и Ваша заслуга, так что это и Ваше торжество тоже.

Юноша ещё сильнее побледнел. Его голос не выдал ни волнения, ни страха, ни каких-либо иных эмоций, но прозвучал очень отрывисто.

– Вы сами знаете, что за эту историю я меньше всех достоин уважения. С самого начала я поняла, что Милюзетта Фейрфак лжёт, но сделал вид, что поверил ей, кроме того, я преподнёс Вам всю эту историю в неверном свете. Я действовал, исходя из своих симпатий и антипатий, тогда мне казалось, что это всего лишь мерзкая любовная интрижка. Я подумал, что Милюзетта с её испорченным, деспотичным характером старой девы, решила наказать за неповиновение племянника и племянницу, а за одно и госпожу и господину Риверс. Я не затруднил себя даже поинтересоваться, какую роль во всей этой истории играет госпожа Милидия де\*Шеврез. Очередное увлечение Фискала, ведь барышни к нему прямо сами на шею вешаются. Что же, думал я, пора наказать легкомысленного повесу. Свою ошибку я понял, когда всё зашло слишком далеко. Когда господин Аренс уже начал действовать, когда появились первые признаки его пагубной деятельности. Да, тогда я встретился с этими молодыми людьми, а после этой встречи все свои впечатления передал Вам. Тогда я ещё не осознавал всей опасности, которую представляет господин Аренс. Нам с Вами удалось до-

биться от Совета лишь того, чтобы была задержана Милюзетта Фейрфак, и только. Мы обещали не мешать этим молодым людям, но сама идея этого их предприятия казалась мне сплошной блажью. Противопоставить хрупкую слабую девочку, почти ребёнка, могущественному волшебнику?! Более гениального плана придумать было нельзя! Но пусть разбираются сами, нас ведь всё это ещё мало касалось... А потом, когда стало известно об ужасах, которые творил господин Аренс, и о том, что происходило в это время со всеми ними, о том, как вопреки всему Фискал, да и все остальные защищали Милидию, и о том, как поступила эта девушка, я осознал весь ужас, того, что допустил Совет Волшебников. Какая-то необъяснимая сила, родившаяся в Милидии, позволила сохранить ей жизнь, но ведь могло быть и иначе.

– Довольно господин Солано, ни один Вы виноваты в том, что произошло. Если уж на то пошло, то вмешаться во всё происходящее должен был Председатель Совета Волшебников.

– Да, но я подавал Вам неверные сведения.

– А по-вашему я первый день живу на свете, по-вашему я не имею представления о лицах задействованных в этой истории. Все персонажи более или менее понятны, смущает только один...

– Милидия.

– Да, что-то есть в ней такое необъяснимое, она загадка для всех, для себя самой, а ведь девушка отнюдь не глупа, её

муж не может разгадать её, но должно быть, поэтому он её и выбрал, из-за того что она такая, ведь и он другой. Тальф Аренс просчитался, он не учёл, что-то упустил в ней, а странно, ведь этот человек так основательно изучал всех тех, с кем имеет дело. Я говорил с ней и не могу понять, кто же она, наконец?

– И всё же я не высокого мнения о ней. В ней нет логики, её поступки не последовательны, её цели непонятны. Это просто глупый капризный ребёнок, она увлекается, а потом бросает надоевшую игрушку. И все окружающие потворствуют ей в этом.

– Значит, и я потворствую?

– Да, если на то пошло, то да, – напряжение молодого человека дошло до предела, он гордо вскинул голову, будто бы готовый критиковать весь мир.

– Я нахожу, что Вы в последнее время стали слишком угрюмы, господин Солано. Так не годится. Я не понимаю, откуда в Вас столько предубеждения против всех этих достойных молодых людей. Я давно знаю Вас, и знаю лучшие Ваши стороны. Так почему Вы чуждаетесь всех, почему бы Вам не подружиться с ними? Все они очень приятны и доброжелательны, а госпожа Фейрфак, которую Вы так беспощадно критиковали, сама доброта и милосердие, и, кстати, очень хорошо отзывалась о Вас. Я не понимаю всей этой Вашей отречённости от жизни, уже ли Вашему сердцу чужды узы дружбы или любви?



В непроницаемом лице молодого человека можно было уловить мгновенное смятение. Одна секунда и оно стало столь же холодным. Точно процеживая каждое слово, он с явным нажимом произнёс:

– Я никогда не смогу стать их другом, а до глупой влюблённости мне нет никакого дела.

– Значит так?

– Да, так.

– Ладно, оставим этот вопрос. Но теперь же, хоть на миг отбросьте Вашу предубеждённость и откровенно выскажите своё мнение об Институте Невероятных Чудес, что Вы об этом думаете?

– Проект прекрасен, и я согласен с назначениями всех его руководителей, кроме одного. Я категорически против назначения господина Фискала Фейрфак на пост директора. У этого человека нет чувства ответственности, он легкомыслен, ветрен, горд, заносчив, самолюбив, он максималист и всё время стремится прыгнуть выше головы. По-моему это место должен занимать более рассудительный и опытный человек, а не пылкий юнец с испорченным характером.

– Вы несправедливы к нему.

– Да несправедлив, потому что, – голос Патрика дрогнул, казалось, юношу в этот момент облили холодной водой, нездоровая краска бросилась ему в лицо, – потому что, я ненавижу его!

Произнеся это, молодой человек сник, опустив голову. В

его преобразившемся лице проскользнуло уже не скрываемое сильное, жгучее страдание. И странно, именно в этот момент в нём появилось что-то незнакомое, лишённое этой обычной суровости и замкнутости. Это была накипевшая боль, но именно она дела его прекрасным. Возможно ли, чтобы боль и страдание были прекрасными? Нет, ведь это противоречит закону жизни. Но теперь, он обнажил душу, он стал естественным, и должно быть оттого, его благородное горе казалось чистым и красивым. Но всё это не переставало быть бедой, не исчезала смертельная бледность, и не переставало быть ненавистью. И всё-таки?!

« Я не случайно подумал про Фискала и Милидию, когда она совершила то, что совершила, она, должно быть, была именно такой. Точно как мраморная безжизненная статуя, одна, светла, чиста. Звезда с её холодным чарующим светом, вот кто она, далёкая прекрасная звезда. А Фискал, каково ему было слышать из уст возлюбленной: «Забудьте меня!», каково ему было узнать, что она уже не привязана к жизни. Но всё ведь прошло, и совершилось чудо, которое не сотворил бы ни один волшебник. И они правы, не надо его объяснять, не надо искать его причину, они заслужили счастье. Но право, какая перемена. Теперь ещё и Патрик...»

Как это не удивительно, Леоне Эвирлок не рассердился на дерзкого юношу, нет, напротив, он всмотрелся в его лицо, точно так же как врач всматривается в лицо тяжело больного, ища причину недуга. « Это Шарлиза, определённо Шарли-

за». – Подумав так, Председатель Совета Волшебников обратился к юноше строго, но не жестко, скорее назидательно, с явным участием.

– Успокойтесь, и возьмите себя в руки, бедный мальчик.

– Простите, я спокоен, не важно, что Вы подумали, ничего нет, и никогда не было. То есть, я действительно не люблю господина Фейрфак, он насмешлив и заносчив, но это ни к чему не имеет отношения. Да что это со мной сегодня?!

– Я понимаю Вас, Вы должно быть не совсем здоровы, не ездите сегодня никуда. Я сам поеду к господам Фейрфак и сам поговорю с Милидией.

– Нет, что Вы, зачем Вам так себя утруждать. Я покажусь на вечере, мне должно быть действительно следует развлечься. Не беспокойтесь, я буду благоразумен. А теперь, если позволите, до вечера мне следует уладить ещё некоторые дела.

– Как Вам будет угодно.

Молодой человек торопливо ушёл, забрав пакет для Милидии Фейрфак. Леоне Эвирлок проводил его долгим задумчивым взглядом. «Скверная история, – подумал он. – О, молодость, сколько пыла и страсти, но как они страдают».

**Глава 9. И ещё одно совещание или немного о тайном сговоре.**

Тред Крий выкурил уже пятую папиросу, сидя в ожидании в каком-то дешёвом трактирчике. Напротив него сидел Эмиль Сьюди.

«Да, напарник у меня нечего сказать, сначала выслуживался перед Милюзеттой, теперь переметнулся к нам. Самый последний из всех трусов, теперь сидит и трясётся, и озирается, будто кто-то может разыскать нас в этой дыре. Да и если заметят вместе, что с того!» — Думал господин Крий.

Зажигая шестую папиросу, Тред Крий не находя темы для разговора со своим соседом, решил придаться своим приятным чаяниям. «А Фруалис не справедлива к этой малышке Фейрфак... о..., девочка недурна! Конечно внешне пуританочка, вся такая благородная и неприступная, но как знать что там внутри. При таком то личике, и таком носике, гордом вздёрнутом носике, а что за губки! Коралл! Интересно, её муженёк, этот смазливый, желторотый птенчик научил её целоваться?! Что за головка, ах, леди, от чудесных маленьких ножек, до кончика носа — леди! И всё-таки, как целуются настоящие леди?!»

— Позвольте, выпить с Вами, господа, — к ним подсел человек, долго сидевший до этого в отдалении. — Выпьем за всех честных людей. За здоровье всех мечтателей и прожектёров!

Узнать его было невозможно, явно наигранный голос и накиннутый на лицо капюшон плаща скрывали личность этого господина.

— Сударь, мы с приятелем хотели бы уединиться, мы так давно не виделись. — Эмиль Сьюди спотыкался на каждом слове, и руки его нервно дрожали.

— О, не беспокойтесь, я не помешаю Вашему уединению,

а, может быть даже напротив, — неизвестный чуть приоткрыл лицо, так, что оно стало видно двум его собеседникам. — Так выпьем же, господа за всех мечтателей, за всех безумцев, что как мотыльки, сами летят на пламя.

— И за феечек, что выются вокруг них! — Подхватил Тред Крий.

— За феечек?! — Человек в плаще расхохотался, — это же за какую из них? За куколку блондиночку или за холодную шатенку, а эта милая рыженькая, о, она так хороша. А может, Вы так увлечённо мыслите о брюнеточке, учтите, если всё пойдёт гладко, получите даже её.

— Да, но мотылёк, что оберегает её слишком уж нахален.

— И что с того, такие дерзкие мотыльки всегда впереди, они первые опаляют свои нежные крылышки, а мы наслаждаемся их пламенем, сколько это возможно. У этих мечтателей одна особенность, они хорошо горят, пылко так, страстно, порою, пока она горят, даже свершается нечто невозможное. Никто не может, а они могут. А как только мы выжмем всё из них всё, то тут наступает пора избавиться от ненужного материала.

Эмиль Сюди брезгливо поморщился, а Тред Крий зло оскалился после таких слов незнакомца. Однако после этого тон таинственного человека стал серьёзнее и жёстче:

— Однако оставим эту забавную ботанику, пусть ею занимается Институт Невероятных Чудес, так, кажется, они себя называют. Что же, это дело в их компетенции, это всё на что

способны наши романтики. Выждем время, пусть покажут себя во всей красе. Никаких глупостей, господа, особенно это относится к Вам, Тред, не вздумайте ухлёстывать за госпожой Ф. . Зарубите себе на носу, её муж – это безудержный мечтатель, но он вспыльчив, пылок, и к тому же по уши в неё влюблён. Кстати, насколько мне известно, этот молодой человек имеет не только острый язык, но и острую шпагу. Не ссорьтесь с ними, пока... Пусть всё идёт своим чередом, но всё-таки мне бы хотелось, чтобы Вы вошли в доверие к этим господам. Займитесь этим, господин Сьюди.

– Но я не могу, едва ли они забыли, что я был тогда с Милюзеттой Фейрфак.

– Уже Милюзеттой Аренс.

Лица его собеседников исказились неподдельным удивлением.

– Я знаю точно, что говорю. Тальф Аренс жив и женился на Милюзетте, кроме меня это знаю ещё Милидия и, должно быть, Председатель Совета Волшебников.

– Почему же Тальф не убил девушку?

– А я думаю, он и не собирался её убивать. Ему хотелось поиздеваться не столько над ней, сколько помучить Фискала. Он хотел устроить представление из страданий влюблённого, но в последний момент, он оказался слишком слаб и сентиментален, для того, чтобы быть злодеем до конца, да к тому же и сам был влюблён. Идиот. Двадцать лет не мог выкинуть из головы женщины, не удивлюсь, если все его попытки

возвеличиться были только ради неё. Соглашусь, всё было продумано неплохо, его замысел потрепал их всех и виновных и не виновных. Но он сам всё сломал, в конце, надо же растрогался из-за девчонки!

– Из-за хорошенькой девчонки.

– Ну, это зависит от вкуса. И всё-таки, господин Сьюди, о Вас они не высокого мнения, отсюда следует, что довериться они Вам не доверятся, но осторожны с Вами не будут. Покайтесь, признайте свои ошибки, это подействует на чистые девичьи сердца, а юноши слишком легкомысленны в двадцать-двадцать пять, чтобы что-то заподозрить. Тальф жив и это наш козырь. Когда всё будет готово, Вы кое-что нашепчите об этом господину Фейрфак. И тут представьте себе гнев и ненависть молодого страстного, обманутого влюблённого, который поклялся отомстить за свою жену.

– Будет скандал?

– Нет, что Вы это дело чести, только его дело, и как можно, чтобы здесь фигурировало имя женщины. Но такие удары хороши, когда задевают за живое и обрушиваются неожиданно, все вместе. Поэтому, будьте готовы, а заодно и понаблюдайте за настроениями в Совете. Не может быть, чтобы их успех не вызвал зависти и злобы, в своё время мы сыграем и на ней. А пока я хочу собрать кое-какой материал, до встречи, господа, в следующий раз я сам отыщу Вас.

## **Глава 10. Фруалис и Шарлиза.**

Лучи вечернего солнца лились через витражное окно, теп-

ло, переплетаясь с золотыми и розовыми тонами хорошенького маленького будуара. В воздухе стоял тонкий запах роз, букеты которых были расставлены в комнате. Четыре девушки приводили себя в порядок, готовясь к празднику. Было заранее решено, что в этот вечер на маскараде четыре знакомые нам пары, обыграют четыре времени года. Что ж было бы весьма забавно посмотреть на кадриль, состоящую из зимы, весны, лета и осени. Оливия тонкими пальцами закрепляла ландыши по верху своего платья, Юнона заканчивала укладывать свои рыжие волосы под венок из васильков, ромашек и других полевых цветов, Иванджелина шнуровала завязки на рукавах своего алого с золотом платья, шнуровка была похожа на поспевшие колосья пшеницы. Все четыре молодых девушки весело переговаривались, шутили и напоминали четырёх лесных нимф, так легки, нежны и неуловимы были они, точно вышедшие из грёз юного поэта. На несколько мгновений Милидия замерла в нерешительности у зеркала. Она совсем не была похожа на зиму, такой, как её обычно представляют, холодной, строгой. Напротив, образ, созданный ею, раскрывался совсем иначе, особая утончённость и хрупкость девочки, делали её по-своему величественной, а лёгкое белое платье с серебряной вышивкой, синими и голубыми вставками лишь сильнее подчёркивало нежность и чистоту этого юного создания. Пальцы щёлкнули по замку инкрустированной перламутром шкатулки и извлекли из неё жемчужное ожерелье. Колеблясь, с детской



стыдливостью, она надела его на шею. Чуть розоватый теплый жемчуг, оказавшись рядом с холодными тонами, неожиданно сыграл цветом слоновой кости и подружился с образом.

– Какой изысканный жемчуг, – улыбнувшись, отметила госпожа Риверс.

– Я не ожидала, что он подойдёт мне, я просто хотела надеть его для него. Мне, правда, хорошо?

– Да, очень.

Через несколько минут девушки, сопровождаемые своими кавалерами, спустились в бальную залу, где Фискалу и Милидии пришлось оставить своих друзей и, исполняя обязанности хозяев, уделить внимание начавшимся собираться гостям. Сначала юную госпожу Фейрфак смутило такое количество незнакомых людей, которых она должна была принимать сегодня. Кроме того, девушку смущал избыточный интерес, проявленный к её персоне. Все стремились быть представлены ей, пытливые, изучающие взгляды скользили по ней, нападая со всех сторон. Но, впрочем, на что же она рассчитывала? Всем действительно было интересно узнать, что же это за девушка, вызвавшая тот прекрасный, сказочный звездопад. История её была так загадочна и невероятна, что все стремились подыскать к ней хоть какой-то ключик. И потом, что же это за жемчужина, которая покорила сердце насмешливого, очаровательного волшебника, который, точно желая любоваться ею в одиночестве, увозит её на месяц

сразу после их венчания неизвестно куда. И теперь, когда её муж, всё-таки видимо решил показать её свету, нельзя было не попытаться её рассмотреть.

Но Милидия не была брошена на произвол судьбы и толпы. Фискал всё это время был с нею и, глядя на его спокойствие и лёгкость в общении с окружающими, она обретала уверенность. Живой, от природы пытливый ум, прекрасная память, хорошее воспитание, врождённое обаяние помогли освоиться молодой хозяйке. И вот уже снова засеяла её лучезарная улыбка. Карие глаза девушки излучали порою пытливые, порою добрые, порою насмешливые, порою озорные взгляды. И всё же, как мило они смущались и отводились в сторону, когда васильковые глаза Фискала одаривали её самыми нежными и ласковыми взорами, на какие он только был способен. И в этих взглядах ловила она благодарность. Девушка была вознаграждена за то, что надела жемчуг, её муж был рад видеть свой подарок на ней.

У многих людей счастье, красота и юность возлюбленных вызывали странные приятные чувства, какие бывают у людей, которые долго смотрели на ложь, малодушие, трусость и гонку за наживой, и неожиданно увидели на своём пути неподдельную любовь, искреннюю дружбу и талант, лишённый прикрас и фальши. Это было так ново и прекрасно, что глядя на них, даже злые становились чуточку добрее, трусливые капельку смелее, лживым хотелось говорить правду, а жадным открыть своё сердце миру.

Однако, чуть освоившись в обществе волшебников, Милидия стала различать в иных взглядах нечто большее, чем праздное любопытство. Какую-то необъяснимую интуитивную неприязнь, почувствовала она к человеку, который был представлен ей, как господин Тред Крий. Безумно раздражало, то, что он постоянно курил, ещё утром её задела его вульгарная и циничная манера вести себя, и сейчас неприязненное впечатление лишь усилилось. Он постоянно и, пожалуй, слишком откровенно смотрел на неё, от этих взглядов хотелось стать чем-то маленьким и незаметным, чтобы можно было спрятаться где-нибудь. Но, несмотря на внутренне смятение, внешне госпожа Фейрфак осталась непроницаемо, спокойна и горда, послав при этом дерзкому поклоннику один из своих самых строгих, холодных и надменных взглядов. Кроме того, наблюдательная девушка обратила внимание на то, что ни одну её возмутило подобное выражение лица этого человека. Фискал тоже уловил эту игру, и, разумеется, наказал Треда Крий, сверкнув своими васильковыми глазами так, точно делал меткий выпад шпагой. Всё это сопровождалось учтивыми улыбками, но даже в них Милидия уже научилась читать скрываемую иронию. Однако с некоторых пор, всё, что касалось её лично не вызывало у её мужа ни легкомыслия, ни насмешки. Напротив, господин Фейрфак был, даже, пожалуй, излишне внимателен и осторожен с нею. Оберегал от всего, обращался с ней, как с хрупкой фарфоровой вазой, которая может разбиться даже от самого

лёгкого дуновения ветра. Милидию трогала такая искренняя забота о ней, но порою её внутренняя гордость, стремление к свободе и независимости готовы были взбунтоваться против такого положения дел. Кроме того, молодая женщина совсем не желала, чтобы её мужа считали пылким ревнивцем. А что до подобных нахальных поклонников, так она сама сумеет избавиться от них. Любая умная женщина должна уметь постоять за себя и ставить на место тех, кто слишком многое себе позволяет, а не вызывать излишний шум возле своей персоны и не докучать своим близким жалобами. Мужчины так вспыльчивы, что подобная ссора легко может дойти даже до дуэли, а ей очень бы не хотелось, чтобы из-за какого-нибудь Треда Крий, или из-за какого-нибудь ещё, Фискал подвергал себя опасности. Поэтому, послав господину Крий в наказание строгий, холодный взгляд, который сразу же сбросил его с небес на землю, Милидия предпочла больше не обращать на него внимание.

Окружённая поклонниками, ни к одному из которых, она, кажется, не проявляла интереса, но собирала их вокруг себя, точно следуя привычке, постоянно смотрела в их сторону Фруалис Леверг. Она бы уже тысячу раз уничтожила бы Милидию, если бы глаза её убивали, как взгляд Медузы Горгоны. Но в отличие от мифического героя, эта молодая женщина была весьма привлекательна, такая как она обыкновенно пользуется успехом. Высокая, хорошо сложенная блондинка с неплохими чертами лица, тщательно загримированны-

ми косметикой. Она бы была должно быть очень красива, если бы не ледяной взгляд змеиных глаз. Он пугал госпожу Фейрфак. И ещё одно, очень не понравилось Милидии, госпожа Леверг, пожалуй, слишком часто для молодой женщины прикладывалась к бокалу. Не слыша, о чём Фруалис говорит со своими поклонниками, Милидия поняла, что обсуждают они её саму. Что же, даже это её не трогает, пусть сплетничают, она будет выше всего этого. Но этот змеиный взгляд ужасен.

Считая, что обращать внимание на такие гадости, которые делают с разной периодичностью люди вроде Фруалис Леверг мелочно и глупо, Милидия обратила свои карие и живые глаза в другую сторону. Станные чувства вызвала у неё молодая женщина в тёмно-синем, едва ли не чёрном плотном платье, очень странный выбор для маскарада. Сама она была похожа на Диану Воительницу, строгие точёные черты лица, иссиние чёрные волосы, туманно-зелёные глаза, чёткие скулы, неестественно сжатые губы, высокий, неплохо сложенный стан, не отличавшийся правда девичей хрупкостью, но и не имеющей в себе ничего грубого или некрасивого. Она была очень хороша, но, пожалуй, нескончаемо печальна, это выдавали её томные глаза и их болезненно выразительные взгляды, которые она направляла в сторону госпожи и господина Фейрфак.

– Милый, а кто эта печальная девушка у стены, в тёмно-синем? – Спросила Милидия.

– Это Шарлиза Трексон, – небрежно бросил Фискал, – она, кажется, из Бронзовой Ложи.

– Но какое страдание у неё на лице.

– Не спорю, она, пожалуй, всегда так меланхолична, всегда одна и ни на кого не смотрит.

– Позволь, я оставлю тебя, мне кажется, она очень нуждается в чем-либо участии, может быть я смогу помочь.

– Как пожелаешь.

Госпожа Фейрфак взяла в руки прекрасную белую розу и проскользнула к одинокой особе у стены.

– Добрый вечер, – пропела юная Милидия своим чистым девичьим голосом. – Мы, к сожалению, не были, друг другу представлены, и поэтому прошу Вас простить меня, если Вы сочтёте за дерзость моё желание познакомиться с Вами.

– Кто Вы, мне известно, но какое Вам дело до того, кто я такая? – Голос госпожи Трексон прозвучал с ледяными строгими нотками.

Милидия смущённо потупила глаза, её обжог холод этого замечания.

– Вы рассердились, прошу простить, и, пожалуйста, примите от меня эту розу. Мне показалась, она чудесна.

Испуг, непонимание промелькнули в лице Шарлизы, когда она трясущееся рукой приняла протянутый ей цветок. Где же здесь подвох, в чём скрытая насмешка? Тщетно искала она её в свежем личике доброй девушки, оно было так же наивно и по-детски доверчиво. Поняв это Шарлиза Трексон

повнимательнее всмотрелась в юную госпожу Фейрфак:

– Неужели, правда, то, что говорили о Вас, правда, что у Вас сердце ангела?

– Ну что Вы, госпожа Трексон, какие глупости.

– Глупостью было завидовать Вам и ненавидеть Вас, в то время как Вас невозможно не принять в сердце, неудивительно, что Вас любят все вокруг, даже он.

Всё что слышала Милидия было так откровенно, что нельзя было не понять чувств говорившей. Эта женщина была влюблена в Фискала, а он, понимал ли он это? Если он это знал, то, как он был жесток, к ним обоим позволив своей жене встретиться с Шарлизой.

– Не беспокойтесь, девочка, он ничего не знал, и Вы меньше всех виноваты в том, что он любит Вас, что выбрал он именно Вас.

– Простите меня, мне не следовало говорить с Вами.

– Мне нечего прощать Вам, скорее это я виновата перед Вами в том, что желаю того, что мне не принадлежит. Но это всё в прошлом. Это было до того, как я увидела Вас, Вы достойны любви верной и прекрасной.

– А Вы?

– А я не буду мешать. В этом нет ничего печального, всё в порядке вещей. Жизнь – лотерея и Вы вытащили счастливый билет. И оценивая всё справедливо, нельзя не думать о том, что счастье ещё никогда не попадало в более достойные руки.

– В этом мире немало рук, достойных счастья.

Шарлиза с горькой насмешливостью покровительственно осмотрела собеседницу.

– Да, Вы идеалистка, впрочем, по-другому быть и не могло. Ведь вызвать тот звездопад могла либо фанатичная дура, не понимающая, что она делает, а Вы не похожи на такую, либо безудержная, смелая мечтательница и идеалистка, готовая до конца идти за свои идеи, до последнего вздоха отстаивать их. Поэтому они и летят, как мотыльки на пламя, они всё понимают, даже слишком хорошо, всё понимают, у них нет никаких иллюзий, но иначе они, увы, не могут.

– Откуда Вы так хорошо всё понимаете?

– Значит, это правда, я узнала Вашу правду. Всё верно, для того, чтобы отыскать правду надо не просто дойти до неё умом, но и почувствовать сердцем. Я тоже жила и чувствовала, может не так глубоко, как Вы, но всё-таки.

– Как бы не распорядилась судьба, я искренне желаю Вам счастья с хорошим человеком.

– Какой же Вы ещё ребёнок во всей вашей наивности, непосредственности и чистоте. Определённо, Вас невозможно ненавидеть. И всё-таки высоко оценив Ваше милосердие, Вашу доброту, Вашу снисходительность и Вашу деликатность, я не могу принять Вашу дружбу.

– Но мне показалось, Вам необходимо чьё-то участие.

– Нет, я прекрасно обхожусь и без него. До свидания.

А между тем заиграла музыка, и начались танцы. Весь



горький осадок, в Милидии, после разговора с госпожой Трексон тут же был растворён, но не без помощи Фискала, который так умело крутил её в вальсах, кадрилиях и полонезах. Но более ценна была та горячая любовь, то обожание, которое она читала в глазах своего мужа. Находясь рядом с ним, она забывала обо всём на свете. Простим им их молодость и опьянение любовью, которые делали их нечувствительными для злобы и зависти, которые зарождались в низких сердцах. Они не могли видеть всего этого, ведь счастье слепо, но всё же подобные чувства чуждые им, существовали в других, однако об этом после.

К концу подошёл третий танец, ах, как было бы прекрасно, если бы он не заканчивался никогда. Но, увы. Верхом неприличия было бы отдавать предпочтение одной и той же даме четвёртый раз, особенно, когда Вы хозяин дома. Понимая это Милидия ласково произнесла:

– Теперь, пожалуйста, сделай мне приятное, пригласи какую-нибудь девочку, которая стоит и скучает без кавалеров, например госпожу Уикхмен, – это была хрупкая семнадцатилетняя блондинка, робко жавшаяся к матери, хотя девушка была весьма хорошенькой, но для неё это был первый выход в свет, она почти никого не знала и была так неопытна. – Мне кажется, она будет очень рада этому.

– Как Вам будет угодно, любовь моя, – и знакомая ирония скользнула в его глазах, – но помните, в душе и помыслах я только с Вами.

– Ценю Вашу преданность.

Когда Фискал оставил её. Милидия разгорячённая танцами, обмахиваясь веером, принялась взглядом искать среди гостей господина Солано. Как ни сильно было очарование Фискала, Милидия всё-таки ухитрилась следить глазами за гостями. Она видела, как в начале вечера появился господин Солано, чем-то раздосадованный и угрюмый. Он поздоровался и немного поговорил с кем-то из мужчин, но вскоре его обществу те предпочли общество прекрасных дам и закужились в карнавальном колесе, а первый помощник Председателя Совета Волшебников остался наедине со своими пасмурными мыслями. Не ускользнуло от госпожи Фейрфак и то, как, не решаясь с юношеской робостью, Патрик Солано попытался пригласить Шарлизу Трексон, однако был, отвергнут. После чего Милидия слишком увлечённая Фискалом потеряла его из виду.

– Позвольте ангажировать Вас на танец, – как из-под земли рядом с Милидией вырос Тред Крий, он, оскалившись, улыбнулся, – пока Ваш верный хранитель, так ревностно оберегающий Вас, решил поразвлечься.

– Сударь, Вы забываетесь, говоря о моём муже, – холодно отрезала молодая женщина, подбирая как можно наиболее ледяные слова, лишь бы отделаться от неугодного любезника.

– Прошу прощения господин Крий, но госпожа Фейрфак уже приглашена мною, – к ним неслышно подошёл Патрик

Солано, появившись точно тень отца Гамлета.— Прошу, сударыня, — произнёс он, подавая руку Милидии.

Что же Тред Крий получил отставку, его нимфа снова ускользнула от него, но он отнюдь не собирался сдаваться, напротив неприступность госпожи Фейрфак лишь сильнее разжигала в нём зарождающую страсть:

— Что очередная неудача? — Ехидно заметил подошедший к нему Эмиль Сьюди.

— Пошёл прочь!

— Подумать только, что делает с людьми эта маленькая гордячка. Ведь даже Фискалу эта крепость сдалась далеко не с первого раза, но Тред Крий возьмёт силой, то, что другой получил своими томно-нежными взглядами.

— Непременно, я приструню безусого мальчишку и побавлю спеси его добродетельной женушке, в свой срок я над самой королевой одержу победу!

Под звуки зазвучавшего вальса Милидия и Патрик прошли несколько квадратов, прежде чем им удалось никем не замеченными уйти на балкон, где по счастью никого не было.

— Госпожа Фейрфак, — сухо проговорил секретарь Председателя Совета Волшебников, — исполняя поручение господина Эвирлок, отдаю вам этот пакет.

— Что-нибудь ещё?

— Мне велено передать вам, что разъяснение некоторых мест, о которых говорится в письмах к Вам, а так же более подробную информацию Вы можете получить, расспро-

сив госпожу и господина Аренс, если вы кончено пожелаете узнать более того, что там написано.

– А Вы знаете, о чём там говориться?

– Немного, по-моему, мнению это старая история, которая, конечно, касается господина Фейрфак, госпожи Орнальдегольд и господ Риверс, но никакое влияние на события, происходящие сейчас, не оказывает. Я не совсем понимаю, почему господин Эвирлок захотел посвятить Вас в неё, ведь всё это дела давно минувших дней. Печальные события, о которых я говорю, произошли около двадцати лет назад, и тогда конечно, очень возмутили Совет, но зачем вспоминать об этом теперь? Да, и ещё господин Эвирлок просил передать, что если Вы сочтёте нужным, Вы можете открыть тайну Вашему мужу или кому-нибудь из Ваших друзей. До свидания, госпожа Фейрфак.

– Вы покидаете нас, господин Солано?

– Да, до встречи.

И молодой человек торопливо удалился, оставив юную госпожу Фейрфак крайне заинтригованной. Любопытству, которое бы непременно испытала любая другая на её месте, Милидия не отдала должного, первые мгновения, интрига, которая против её воли закручивалась возле её спокойного счастья, смутила её. Но гордая девушка отнюдь не была настроена поддаваться подобным настроениям, и потому, решила с честью, достойной дочери офицера и дворянина выйти из неё. Но сейчас, во время праздника никто не должен

был ни о чём догадаться. И потому, она была обязана спрятать пакет в своём кабинете, чтобы после вернуться к гостям весёлой и беззаботной.

Выйдя с балкона, госпожа Фейрфак поняла, что её минутное отсутствие прошло незамеченным. Фискал отдавал какие-то распоряжения музыкантам, но по его блуждающему взгляду было видно, что он уже начинает выискивать в толпе свою жену. Патрик Солано о чём-то беседовал с Артуром Риверс, ход, хотя и не очень нужный, но весьма любезный со стороны секретаря Председателя. Милидии оставалось только порадоваться, что ей удастся незамеченной подняться на второй этаж, а затем быстро вернуться в бальную залу, как вдруг путь ей преградила Фруалис Леверг. Золотые локоны выбились из причёски, косметика размазалась по лицу, сама молодая женщина пошатывалась. «Да, она пьяная!» – Не успела подумать госпожа Фейрфак, как Фруалис подняла на неё сумасшедшие глаза, протянула в направлении девушки руку, как к маленькой начала скомкано говорить наигранно-слащавым голосом, намеренно растягивая слова:

– Так вот, каков он наш ангел, что держит себя на земле, на той самой грешной, суетной земле, где все люди погрязли в коварстве и зле. Почему бы Вам снова не взлететь, как птице, чтобы оставить этот мир и не видеть своими впечатлительными глазками всего того кровавого турнира, что разыграли здесь вражда и власть?!

– Дайте мне пройти, сударыня. – С прежним спокойстви-

ем, точно пропустив всю это тираду, обращённую к ней, произнесла Милидия.

– Летела бы к своим звёздам, такая вся идеальная, оставила бы этот мир и жизнь, светилась бы там, но какая-то ошибка вернула свежесть прекрасному мраморному личику.

– Госпожа Леверг, Вам должно быть нехорошо, оттого Вы и несёте всякий вздор.

– Всякий вздор нащёптываешь ты, своему милому Фискалу, воркуя с ним. И что он нашёл в такой серой мышке, хорошенькая головка, только и всего, интересно, как скоро мальчик наиграется? Милочка моя, он Вас бросит, а Вы будете снова возводить свои полные слёз ангельские глазки к небесам...

– Прекратите, Фруалис Леверг, – прозвучал чей-то мелодичный и уверенный голос, и рядом с Милидией, точно ангел-хранитель возникла изящная Юнона Риверс. – Кажется, вино, которое так любезно разносят услужливые официанты, сильно пьянит Вас, или Вы охмелели от избыточного внимания Ваших поклонников, к которым, какая жалость не удалось прибавить господина Фейрфак.

– Это не Ваше дело, госпожа Риверс.

– И не Ваше, госпожа Леверг.

Фруалис так посмотрела на подруг, точно выбирала, что лучше расцарапать лицо Юноне, или вцепиться в тёмные локоны Милидии. В этот момент с платья госпожи Риверс незаметно слетел приколотый к нему букетик, точнее говоря, это

она сама его незаметно отколола:

– Какая жалость, – будто бы огорчённо произнесла она. – Моя милая Милидия, не могли бы Вы мне помочь подобрать новый, прошу прощения, госпожа Леверг, но мы вынуждены покинуть Ваше приятное общество. *Au revoir*.

Юнона быстро взяла под руку Милидию, и они вдвоём упорхнули точно птицы.

– Рыжая ведьма, кто её просил вмешиваться! – Сквозь зубы процедила Фруалис.

## **Глава 11. Юнона Риверс.**

Юнона Риверс стояла у зеркала, подбирая цветы для букета, Милидия была у порога будуара, стыдливо потупившая свои глазки.

– Ну и что ты опять затеяла? – Не отрываясь от своего занятия, спросила госпожа Риверс, – обдумываешь, что напишешь Фискалу в прощальном письме, решившись на очередной побег из-за какой-то накрашенной дуры? – В тоне молодой девушки не было злобы, но он прозвучал укоризненно.

– Ещё есть Шарлиза, – думая о чём-то своём, прошептала Милидия.

– До которой ему тоже, уж поверь мне нет никакого дела. Должно быть, он даже не думает о том, что госпожа Трексон к нему равнодушна. А вот тебя он любит больше жизни. – Госпожа Риверс на какое-то мгновение задумалась, точно подбирая нужные слова, а затем спокойно, с неподдельным участием продолжила, – милая моя, я ведь давно хотела с

тобой серьёзно поговорить. Не подумай, я ни в коем случае не осуждаю тебя, для этого ты слишком безупречна. Но то, что ты сделала тогда... Мы, ведь действительно, все очень испугались за тебя. Понимаешь, другие, чужие люди могли видеть в тебе великодушного, смелого, благородного и самоотверженного человека, но для нас ты была очень близким другом, мы тебя очень любим, а ты сама отказывалась от жизни. Это было очень страшно, слышать такое от тебя! Я знаю, ты так чиста и невинна, от соблазна и обольщения тебя хранит твоя загадочная судьба, но летая на своей неземной высоте, не забывай хоть иногда заглядывать на землю, хорошо? Бедная моя, ведь я знаю, ты очень многое испытала за свои двадцать лет, когда это было необходимо, ты была очень сильной и смелой, мало кто бы смог так же на твоём месте. Но теперь ведь всё хорошо. И ты сама это знаешь, и потому, пожалуйста, не заставляй нас больше переживать за тебя, потому что порой ты безрассудна в своих поступках, как ребёнок. У тебя очень большое, прекрасное и доброе сердце, но пожалуйста, научись доверять тем, кого любишь, научись принимать любовь других.

– Юнона, – голос Милидии дрожал точно от слёз, – прости меня, ведь я знаю, что поступила очень дурно и эгоистично по отношению к Вам. Я уже очень много думала об этом, может, я не заслужила всего того, что имею, всей той любви, которой меня окружают?!

– Прекрати, опять ты взялась за старое, – госпожа Риверс



нежно обняла подругу, – я ведь говорила тебе не об этом, а как раз напротив. Ты должна мне пообещать, что выкинешь из головы подобный вздор и не будешь больше рисковать своей жизнью, она у тебя одна единственная, обещаешь мне это?

– Да.

– Хорошо, я рада слышать это от тебя. Теперь вот ещё что, господин Тальф Аренс жив, не так ли?

– Нет.

– Ложь, ты, когда врёшь, у тебя кончик носа морщится.

Милидия быстро обернулась к зеркалу. Неправда нос у неё совсем не морщится. Юнону явно позабавила эта ситуация:

– Милидия, ты неповторима, но врать ты совсем не умеешь, у тебя всё на лице написано. Видимо, господин Аренс жив, я угадала верно, ещё у Фискала в кабинете по твоему лицу.

– Кто-нибудь ещё это понял?

– Не думаю. Как показывает практика, женщины в этом отношении более проницательны, чем мужчины. А относительно Ивы и Оливии... не думаю, чтобы они были бы сейчас очень бдительны, ибо их внимание сейчас полностью поглощено их предстоящими свадьбами, ну ты сама понимаешь. Ну а теперь, ты прости мне мою настойчивость, но мне бы хотелось услышать от тебя правду, мне кажется, у тебя нет оснований не доверять мне.

– Да, ты права, я, наверное, не должна бы скрывать всё это от Вас, но иначе я поступить не могла.

И госпожа Фейрфак рассказа подруге о том, как разгадала любовь между Тальфом и Милюзеттой, как они вновь обрели друг друга, и про то, как Тальф Аренс пытался её спасти, и про то, о чём сегодня говорил с нею Леоне Эвирлок, и о том, как Фискал пообещал вызвать Тальфа на дуэль, и что только ради того, чтобы её муж не наделал глупостей, она решила скрыть правду.

– Ну а теперь, господин Солано передал мне этот пакет, – закончила она.

– Ты знаешь, что в нём?

– Он сказал, что там говорится о каких-то страшных событиях произошедших около двадцати лет назад, а ещё, что это как-то связано с тобой, Фискалом, Артуром и Ивой.

– Двадцать лет назад мы все ещё были совсем маленькими детьми.

– И ещё он сказал, что если я захочу узнать больше, я должна буду обратиться к Тальфу и Милюзетте.

– И ты так просто пойдёшь к ним?

– Конечно, они ведь стали совсем другими людьми, иногда мне даже кажется, что я нужна им теперь.

– Не знаю, что и думать, ведь люди так просто не меняются, в одно мгновение. С другой стороны, может, в чём-то ты и права, тайны твоей я выдавать не буду, но и ты мне обещаешь, что без меня ничего не предпримешь.

– Конечно, я и пакет без тебя вскрывать не стану, это было бы нечестно по отношению к тебе, ведь, господин Солано сказал, что это касается тебя тоже.

– Хорошо, значит, прочтём вместе, – хорошее настроение стало возвращаться к Юноне, и она тоном заговорщицы продолжила, – совсем скоро, в один из ближайших вечеров, Вы с Фискалом навестите нас. Мы посадим мальчиков играть в шахматы, и, воспользовавшись этим временем, изучим бумаги. Вот будет обидно, если вся тайна не стоит таких предосторожностей! Ну, а теперь, выше нос, нам пора возвращаться в бальную залу, а то Артур и Фискал уже, наверное, заскучали, бедняжки, не будем больше томить их нашим долгим отсутствием.

И они спустились в бальную залу, где их действительно уже ждали Артур и Фискал. Вечер продолжался, они снова смеялись, шутили и танцевали. Фискал держал руки Милидии и девушка чувствовала через него спокойствие, он вселил в неё веру в жизнь, любовь и счастье.

«Столько лет одиночества, даже они не стоят одного этого мгновения, – думала госпожа Фейрфак, – теперь я понимаю, почему проводила все эти годы одна. Я ждала любви и училась любить сильно. Сильная любовь, это не когда не можешь без человека, это когда не можешь с другими. Ведь, никому другому, я не позволила бы меня и коснуться. Я бы умерла, но никто бы не целовал меня, кроме него. Он единственный, с кем я впервые почувствовала, что мне хорошо

и не страшно».

## Глава 12. Сенсации.

Теплое сентябрьское солнце ударило в окна. В гостиной её тоже не было.

«Наверное, обрадовалась солнечному утру и уехала кататься – подумал Фискал – маленький бесёнок, она всегда делает то, что она захочет!»

Юноша достал из выдвижного ящика стола небольшую коробочку и открыл её. В ней был изящный, открывающийся и закрывающийся медальон с портретами. Он открыл его, и, всё ещё чувствуя лёгкую обиду, укоризненно посмотрел на портрет, под которым аккуратными золотыми буквами было выведено: «Милидия Фейрфак».

«Маленький, непослушный, избалованный бесёнок, вот кто ты! И как в такую можно было влюбиться? – Промелькнуло в его голове, – определённо во всём виноваты эти глаза, эти прекрасные, игривые карие глаза».

Разумеется, медальон с их портретами был не обычным. Весь фокус состоял в том, что стоило его только снять с шеи и перекрутить несколько раз цепочку, как он тут же увеличивался в размерах и становился шкатулкой-тайником, раскрутишь цепочку назад и это вновь маленький изящный женский медальон.

Он убрал медальон. Когда Милидия вернётся, он подарит ей его.

Глаза Фискала упали на номер с утра появившейся газеты.

При Совете Волшебников была небольшая редакция, которая занималась поиском всех новостей. «Сенсация, вот, то, чего ждёт наша публика» – любил повторять главный редактор, господин Испонье.

«Своей жизни нет, вот и копаются в чужой, – недовольно подумал господин Фейрфак, – ещё и мне принесли все эти сплетни». Он уже был готов выкинуть газету в камин, как вдруг заметил кричащий заголовок: «Блеск Звезды»:

« Несколько дней назад Совету Волшебников наконец-то была представлена госпожа Милидия Фейрфак (в девичестве графиня Тересса-Милидия-Дарианна-Виктория-Доротея де\*Шеврез). – Начиналась статья. – Что же скрывалось за нежеланием господина Фейрфак ранее ввести в Совет Волшебников свою жену, имя которой уже стало легендарным. Ранее все обыкновенно говорили о слабом здоровье госпожи Фейрфак, и о потрясении, которое пережила впечатлительная девушка, однако, некоторые факты из её биографии заставляют нас думать, что под предлогом «слабого здоровья» могут скрываться иные причины. До сих пор неясно, что заставило наследницу богатого графского состояния скрываться под вымышленным именем и работать домашней учительницей? Впервые имя этой девушки прозвучало в Совете Волшебников в январе нынешнего года, и было напрямую связано со скандальной историей исключения господина Фейрфак, а так же его двоюродной сестры Иванджелины Орнальдегольд (ныне баронессы де\*Кверлик) и господ Риверс. В си-

туации, сложившейся тогда до сих пор нет ясности. После некоторое время говорилось о таинственном исчезновении графини де\*Шеврез, и далее, она самым невероятным образом вновь появляется на арене событий вместе с господином Джайсон. Однако даже все эти, по меньшей мере, странные моменты биографии госпожи Фейрфак ничего не стоят по сравнению с теми обстоятельствами, которые сопутствовали её встречи с Тальфом Аренс. До сих пор мы не имеем точных сведений, куда исчез наводящий на всех ужас волшебник из Чёрной Башни. Всем было известно, о могуществе господина Аренс, так что крайне наивно было бы думать, что слабая хрупкая и неопытная девушка могла бы противостоять ему. Из этого возникает вопрос, за что он пощадил её? Некоторые волшебники были так легковёрны, что возомнили, будто бы Милидия де\*Шеврез своей любовью, своей добротой и своей самоотверженностью вызвала звездопад необыкновенной красоты. Однако ничего необычного в этом звездопаде не было и быть не могло, и сам его факт можно приписать обыкновенному совпадению, которым талантливо воспользовались, чтобы прославить имя Милидии Фейрфак. Весьма наивно верить в чудесную сказку, о светлом и чистом ангеле, воплощённом в земной девушке, который был так прекрасен и высок в своих стремлениях, что будто бы был равен звезде, долетел до звёзд и заставил падать звёзды целые сутки, да так, чтобы из-за падения этих звёзд исполнялись все самые невозможные мечты. Всем понятно, что такого быть не мо-

жет, так не бывает!

Эта статья должна окончательно развеять все самые пустопорожние иллюзии наиболее легковверных членов Совета Волшебников. Как ни красиво звучит сказка о волшебном звездопаде, это всего лишь пустая мечта, а та, которую нам выдают за ангела и звезду, самая обыкновенная земная женщина, да к тому же с весьма сомнительной репутацией, сияющая в своём мнимом, смехотворном блеске».

Ф. Леверг

Алая краска гнева бросилась в лицо молодому человеку. «Как могла эта набитая дура произнести имя моей Милидии, она не стоит и кончика пальчика моей жены! Но я этого так не оставляю, о, если бы Фруалис не была женщиной...»

И тут страшная догадка осенила Фискала, алая краска на его лице сменилась смертельной бледностью. «Если Милидия увидела всю эту мерзость, то это совсем не утренняя прогулка. Она ушла от меня! Маленькая горячка, это всё-ма в её духе, ушла, ничего не взяв, без объяснений, не оставив и строки!» Господин Фейрфак с ужасом подумал, что последний раз, когда Милидия решила на побег, он нашёл её замерзающей в лесу, потом она тяжело заболела и едва не умерла от воспаления лёгких. И никому не известно, что могла сотворить эта невероятная девушка в этот раз.

«Надо немедленно отправляться искать её, пока не поздно!» – Промелькнуло в его голове.

В этот момент дверь гостиной распахнулась и в комнату

вошла госпожа Фейрфак. Лицо у молодой женщины было разгорячённым, в глазах играли вечные озорные огоньки. На ней была шоколадно-коричневая амазонка, а из-под шляпки цвета крепкого кофе кокетливо выбилось несколько тёмно-каштановых прядей.

– Какое прекрасное утро, милый мой, – воскликнула девушка, на лице которой было написано такое неподдельное счастье.

«Она ничего не увидела,» – с облегчением подумал Фискал.

– Ну что же ты на меня так смотришь, – и она чуть склонила голову, – точно ты меня сто лет не видел. – И тут голос её слегка изменился. – Ты сердисься, ты обиделся на то, что я каталась одна? Но, милый мой, я просто не хотела тебя будить, а утро было так соблазнительно прекрасно. Прости меня, я ведь знаю, тебе со мной непросто.

– Я люблю тебя Милидия, и если бы с тобой что-нибудь случилось, я бы не пережил этого.

– Со мной ничего не может случиться, – она подошла и положила руки ему на плечи, коснулась губами его губ, она знала, что должна была сделать именно это. И в этот момент для них не существовало никого на свете, были только они одни. Не было ни лжи, ни подлости, была только их любовь и этот краткий миг счастья.

– Спасибо, что ты у меня есть именно такая, – прошептал он, – спасибо, за то, что ровно двадцать один год назад ты



родилась.

– Ты знаешь, – она потупила глаза.

Вместо ответа он подал ей коробочку с медальоном.

– Какая прелесть – воскликнула девушка, открывая складную крышечку медальона, – как чудесно ты придумал с портретами, ты и я, спасибо.

– Я тебя никогда не покину.

– Я знаю, ты всегда со мной, здесь – она коснулась рукою груди, указывая на сердце, – и здесь – девушка закрыла глаза и провела по ним ладонью, – перед мысленным взором, ведь мысли видят лучше глаз. Ты всегда там был, когда мне было больно или страшно, я всегда закрывала глаза, и ты приходил.

– Милидия.

– Фискал.

И они снова прижались друг к другу, и снова их губы сомкнулись в поцелуе. Это, конечно, был не первый их поцелуй и не последний, но им до сих пор казалось, что всё это впервые. Они слишком долго были одиноки и теперь обрели друг друга, ни он, ни она ведь до сих пор не верили, что они вместе и от этого так смотрели друг на друга. Быть рядом им было так же необходимо, как дышать. «Ну а с Фруалис мы ещё поквитаемся» – подумал господин Фейрфак, в уме которого уже созрел план мести.

\*\*\*

Иванджелина гневно, наскоро закрепляла свои русые во-

лосы, так словно стремилась передать шпилькам и гребням всё своё негодование.

« Низкая душонка, сплетница, ревнивая интриганка, раскрашенная дура, но как только у неё хватило наглости написать эту статью. Но Милидия, она ведь такая тонкая, хрупкая и впечатлительная, она ведь никому никогда ничего не делала плохого. Это всё из-за кузена. Но, в конце концов, Фискал никогда не выделял госпожу Леверг, и конечно, волен выбирать себе возлюбленную, и будем откровенны, выбрал одну из самых достойных, правда, слишком уж сентиментальную и болезненную. И Фруалис к этому не имеет никакого отношения. Где Эдвард? Куда он ушёл с самого утра? Но может быть и хорошо, что он пока ничего не знает. Мне самой стоит поговорить с Фруалис, не стоит вмешивать в это дело кого-либо из мужчин, хотя бы, потому что они слишком вспыльчивы. Хотя я и сама не знаю, откуда мне взять столько самообладания, чтобы сразу не расцарапать лицо этой подлой дуре, – она кинула строгий взгляд своему отражению в зеркале, – а Эдвард пусть завтракает в одиночестве. Мы женаты всего лишь несколько дней, а он уже исчез с самого утра. Что же наслаждайтесь моим отсутствием господин барон».

Выходя из дома, Иванджелина де\*Кверлик наскоро натягивала перчатки, и в этот момент она едва не столкнулась с мужем:

– Доброе утро, – Эдвард попытался привлечь к себе де-

вушку, но та резко отстранилась от него.

– Где ты ходишь? – Баронесса смерила юношу обиженным взглядом, но тут же была вынуждена приподнять платье, прямо об него тёрся маленький щенок Сен-Бернар, на вид ему было два-три месяца. – Что это?

– Это Берг, – должно быть своей веселостью юноша хотел развеять дурное настроение Иванджелины, которому он пока не придавал должного значения, – знаешь милая, я ведь всегда мечтал иметь собаку.

– Это же Сен-Бернар, они потом такие огромные вырастают, нет, это немыслимо. Об этом не может быть и речи!

– Но Ива!

– Чтобы к моему возвращению щенка в нашем доме не было! – Девушка была готова рвать и метать, – или сам уходи, вместе с ним, раз собака для тебя важнее, чем я.

– Ива, не горячись, успокойся...

– Я абсолютно спокойна, – огрызнулась девушка, – чтобы к моему возвращению собаки здесь не было!

И баронесса быстрым шагом начала удаляться, давая понять мужу, что разговор окончен.

« Все его увлечения для него важнее, чем я, – ревниво подумала Ива, – а что завтра, что завтра Эдвард, уйдёшь в плавание, бросишь меня, да, конечно, я знаю Вас, господин капитан?! Вам нужны моря, дальние страны, ураганы и бури, сраженья, приключения. Всё это для Вас важнее, чем я. Какая же я дура, я ведь знала за кого выхожу замуж! Все Вы

такие! Без синих волн и дальних дорог не могут жить мужчины, а жёны, что ждать их, считая года?! Ни за что, никогда, слышишь Эдвард!»

\*\*\*

– Госпожа, Вас ожидает баронесса Иванджелина де\*Кверлик, просить? – Доложила молоденькая камеристка со смазливой мордашкой Фруалис Леверг.

– Ива?! Вот это мило, да проси, – госпожа Леверг заглянула в зеркало. В затемнённых тонах её оформленного в восточном стиле будуара золотом играла её распущенные волосы. Ядовитая улыбка скользнула по губам молодой женщины.

« Я тоже молода и красива, я тоже могу быть любима и желанна. И я хочу этого. Я всегда получаю то, что я хочу, и какая разница какими способами. Ну а тот, кто стоял у меня на пути, прости, прощай».

Вошла Иванджелина.

– Ах, доброе утро, госпожа баронесса, ведь, кажется, так я теперь должна Вас называть? – Воскликнула Фруалис, – как прошла Ваша свадьба, простите, забыла отправить поздравительную открытку.

– Госпожа Леверг, я думаю, Вы понимаете, что заставило меня прийти к Вам? – Иванджелина сделала вид, что не заметила кривляний Фруалис.

– Конечно понимаю, Вы пришли пригласить меня вступить в общество по защите исчезающих видов животных, ко-

торое Вы организовали на пару с госпожой Риверс. Итак, Ваша подопечная уникальный вид: маленькая серенькая мышка, дворянского происхождения, прошу заметить и с внушительной родословной, умеет летать и в темноте светится, как звезда.

– Прекратите оскорблять госпожу Фейрфак. Ваша статья просто возмутительна, каждое слово в ней наглая ложь и бесовестная клевета. Я не знаю, какие причины побуждают вас ненавидеть госпожу Фейрфак, но...

– Ну, конечно, как Вам это понять госпожа де\*Кверлик, Вы ведь носа не поднимаете от своих умных книжек. У Вас всё правильно, всё системно, и это, по-вашему, и есть любовь?!

– Любовь или неудовлетворённое тщеславие? – Едко заметила Иванджелина, – если Вы действительно любите, Вы должны уважать выбор того, кого любите. Сударыня, я требую, чтобы Вы написали опровержение и публично извинились перед госпожой Фейрфак.

– А я требую безграничную власть над землей и корону вселенной, и что с того?

– Сударыня, если Вы не сделаете то, о чём я Вас пока прошу, то тогда...

– Что тогда?

Одно из окон будуара вдребезги разбилось, в комнату со свистом влетел камень, обёрнутый какой-то бумагой.

– Это возмутительно! – Воскликнула Фруалис и броси-

лась к окну, однако злоумышленник уже скрылся.

– Однако, это недурно, – проговорила Ива, рассматривая бумагу, – узнаю почерк, поздравляю Вас, госпожа Леверг, Вас покорили Вашем же оружием, счастливо оставаться.

И баронесса де\*Кверлик спешно удалилась. Оставив Фруалис самостоятельно изучать свежий номер газеты и памфлеты, напечатанные в нём, под которыми стояло авторство Ф. Фейрфак:

Нам всем известно, господа,

Есть в мире зло и доброта,

Их разделить сложнее, господа,

Граница явно не видна.

Иные громко говорят о блеске мнимом,

Однако не забыли и себя украсить мишурой.

Ведь, главное, держать обман таинственно хранимым,

Кичась своей надменной красотой.

Иное размалёвано лицо,

Так, словно жизнь вся – это маскарад,

Но снимем маску, вот смотрите же, оно,

Оно хранит в себе опасный лживый яд.

А подлинность сокрыта далеко,

Что делать, таково его призванье,

Понять их суть не каждому дано

Любовь и красота таинственное знание.

О чистоте все будут говорить,

Судить порою глупо и неверно,

Но грязи ведь дано же всё чернить.

Стирать собой всё светлое так мелко.

Коль подлость с глупостью в содружестве живёт,

Я и гроша за них за всех не дам.

Но знаю я: по морю жизни наш корабль плывёт,

Назло судьбе, назло врагам, он паруса свои раскрыл семи ветрам.

\*\*\*

Эдвард сидел на траве в саду и держал на коленях спящего маленького щенка. Своею твёрдой рукой юноша ласково проводил по пушистой шёрстке собаки. Серые глаза молодого барона были печальными и задумчивыми.

« Я ведь была несправедлива к нему утром, – подумала, выходя в сад Ива, – в конце концов, что плохого в собаке. Я была взвинчена из-за Фруалис, вот Эдвард и попал под раздачу».

Увидев выходящую к нему жену, юноша быстрым движением, спрятал щенка под свою куртку.

– Как ты его назвал? – Спросила Ива, присаживаясь рядом на траву.

– Берг, – в голосе молодого человека прозвучала плохо скрываемая обида.

– Милый мой, прости, я была резка с тобой сегодня утром. У меня было плохое настроение, вот я и сорвалась на тебя. Не обижайся, пожалуйста.

– Хорошо.

– И Берг пусть у нас остаётся, если ты ещё не передумал, хорошо?

– Правда?! – Молодой человек улыбнулся, и глаза его весело засверкали.

– Правда, я тоже мечтала в детстве завести собаку, но тетушка не позволяла нам иметь животных. Один раз Фискал подобрал бездомного котёнка, так представляешь, Милюзетта заставила нас, его выгнать. Хорошо ещё, что Юнона согласилась забрать его себе. Ну, Фискала, как ты понимаешь, подобные запреты не остановили, и втайне от тетушки он разводил белых мышек на чердаке.

Эдвард провёл рукой по волосам Ивы.

– Мы с Милидией любили играть на старой голубятне, у неё там жили разные птички: чижи, корольки, свиристели, она их всегда легко приручала.

– Что же очень на неё похоже.

– Куда ты уезжала сегодня утром?

– Да знаешь, эта дура Фруалис Леверг, знаешь такую?

– Такая вызывающе накрашенная блондинка, кажется, что-то припоминаю, да, она ещё так недобро смотрела на Милидию.

– Вот именно, эта особа бесится из-за Милидии! Сегодня утром увидела в газете статью, так вот, эта Леверг написала про Милидию столько возмутительной лжи, и в таком грубом и циничном тоне.

– И ты поехала к ней?



– Да, хотела потребовать у неё опровержения и публичного извинения, но оказывается, Фискал уже вступился за свою жену.

– И как же, она ведь женщина, и на дуэль он бы вызвать её не смог?

– Конечно, нет, если речь только не идёт о словесной дуэли, а на этом поприще моему кузену нет равных. В вечерней газете сам всё увидишь, надеюсь, это отобьёт у Фруалис охоту делать гадости.

Ива и Эдвард лежали на траве, рядом с ними тёплым комочком свернулся Берг. Им было хорошо вместе, они говорили о всяких пустяках, и это было прекрасно.

– Ты, ведь больше не уйдёшь в море, не оставишь меня? – Прошептала Ива.

– Я же говорил все моря теперь твои.

– И всё-таки?

– Только с тобой.

– Обещаешь?

– Клянусь.

\*\*\*

Читатель, уже, конечно же, догадался, какой метод избрал Фискал, чтобы ответить на выходку Фруалис. Мне остаётся лишь нанести последние мазки, описав в самых ярких красках, сцену, произошедшую этим прекрасным сентябрьским утром в редакции.

Итак, господин Испонье сидел в кресле и размышлял о

том, какую реакцию вызовет у публики утренняя статья. О, наша почтеннейшая публика, как нравится тебе смотреть, разумеется, на безлопастном расстоянии на то, как возвышаются и гибнут репутации.

Как удачно разыгралась эта партия, в котором всё было построено на одном лишь имени, на имени Милидии Фейрфак. Сначала интрига с загадочной незнакомкой на балу, и кто же, она, эта девушка, которую ввёл господин Фейрфак? Почти сразу же после этого скандал: из Совета исключают четырёх молодых волшебников. Какие были обвинения, какая защита! А что об этом думает общественность?! Служанка или принцесса, скрывающая своё имя? Мелкая интрижка или подлинное чувство? А какие были заголовки... Некоторое время публика отдыхала, интерес возбуждался, страсти накалялись и вот... Разоблачение Милюзетты Фейрфак, возвращение Тальфа Аренс... Таинственный звездопад, исполнение желаний, светлая чистая девушка, ангел воплоти вызвала его, звезда сошла с небес на землю! Трудная судьба, мольба о любви, трагическая гибель, роковое падение! Как все тогда шумели об этой трагедии, бесспорно публика любит такие душещипательные истории. Но вот, чудо, она осталась жива, она выжила, любовь победила смерть. И вот опять интрига, молодые возлюбленные уехали неизвестно куда, скрылись, и это только усилило их популярность. Чего только не писали о них, во время их отсутствия, и всё это проходило через его руки, руки господина Испонье. Он

руководил мнениями публики. И вот пышное возвращение, балы, приёмы, свадьбы, маскарады. И главные герои так талантливо разыгрывают перед всеми счастье, что можно даже на мгновение задуматься, а не подлинная ли это любовь? Лёд тает, пришло время перемен, стало возможным создание Института Невероятных Чудес, в котором, конечно же, все руководящие должности займут герои дня, вот он счастливый конец. Но вот оно, спасенье, эта статья, которую написала Фруалис Леверг. Сенсация! Нас всех водили за нос! Обман! Не было никакой девушки-звезды, спустившейся с небес. И опять это имя, Милидия Фейрфак, новый скандал, связанный с ним, определённо, всё только начинается.

Господин Испонье сидел, осознавая собственное величие, в его руках было сосредоточено общественное мнение, он руководил им. Как хорошо он знал, когда вплести интригу, когда прокричать: «Сенсация!», когда разоблачить обманщика и когда пролить слезу. «Я состою всего лишь в Зелёной Ложе, однако, благодаря моему таланту, имею власть большую, чем у Директора Института Невероятных Чудес, а впрочем, что взять со строптивого мальчишки. Моё влияние больше, даже чем у господина Председателя, потому что я руковожу ходом мыслей и мнений в Совете. Это старая забавная игра, но горе тем, кто за бортом. Как я высок!» – Думал господин Испонье, и как он был низок.

Дверь распахнулась, вошли господин Фейрфак и господин Риверс. Лицо второго не выражало обыкновенной при-

ветливости и доброжелательности, и было скорее озабочено, хотя тщательно маскировалось учтивой улыбкой. Что же касается лица Фискала, то это была странная, противоречивая смесь. Вообразите лицо легкомысленного насмешника, который не привык принимать близко к сердцу подобные выходки, но обычно отвечал на них со своей изящной, тонкой иронией и запальчивостью, так свойственной юности. Так было бы, если бы оскорбление касалось только его, но ведь, было затронуто имя Милидии. За это имя он был бы готов вызвать на дуэль всякого, но человек стоящий перед ним, вызывал у него столько презрения, что юноша счёл бы недостойным скрестить с ним шпагу за свою жену. Прибавьте к этому мелькнувшее в его душе, почти инстинктивное, желание ударить этого подлого человека по лицу. Однако этот безрассудный порыв был сдержан благоразумием. Но это желание не укрылось от господина Испонье, трусливые и мелкие души чувствительны к подобным вещам. Перед глазами его уже стояли завтрашние заголовки: «Директор Института Невероятных Чудес избивает главного редактора! Общественность потрясена! Совет требует отставки господина Фейрфак! Не подтверждает ли это того, что говорят о Милидии Фейрфак?!» – Что же, ради такого шума можно немного и пострадать.

Но молодой человек тщательно стремился скрыть всё то, что происходило в его душе. Он даже не утратил своего вечного очарования, вот только стремительные ярко-синие гла-

за выдавали.

Вошедшие сдержанно поздоровались, после чего Фискал с затаённым отвращением и светской улыбкой произнёс:

– Господин Испонье, на мой взгляд, было бы недурно после утренней статьи поместить в вечернюю газету и эти стихи.

– Ну, позвольте, я посмотрю их – и господин Испонье с торжественно-кислой улыбкой пробежал глазами по данной ему рукописи.

«Ответ для Фруалис, скрытые нападки на эту даму, особенно здесь: «кичась своей надменной красотой» или ещё: «иное размалёвано лицо». Что же, недурно, ловкий ход, повернуть напор в другую сторону. Ведь правы же те, кто говорят, что этот юнец остёр на язык и владеет им так же хорошо, точно парирует удары шпагой. Посмотрим, что из этого выйдет, обо всех лицах этой истории будут ещё долго говорить, ну и прекрасно».

– Вы напечатаете это, – звучит не просто, как вопрос, а скорее утверждение.

– Ну, непременно, мой дорогой, что же Вы так разгорячились?

– Вы сделаете это сейчас и при мне, – это уже почти уже угроза.

– Ну, если Вы так настаиваете.

В это мгновение заработали сотни печатных станков, кабинет главного редактора выходил в большой цех. Мелька-

ли красочные, кричащие заголовки, столь милые сердцу господина Испонье. Господин Фейрфак и господин Риверс удовлетворённо переглянулись. Артур, которого тоже встревожила утренняя статья, решил сопровождать своего друга, чтобы в случае чего удержать его от безрассудных поступков, которые могли бы серьёзно повредить им. Юнона осталась с Милидией, в дела же этих девушек мы будем посвящены чуть позже.

– Вы удовлетворены, господин Фейрфак? – Произнёс господин Испонье.

– Вполне, позвольте взять с собой один номер?

– Пожалуйста.

Ну а то, как Фискал воспользовался этим номером газеты, Вам уже известно.

Что же касается Милидии, так для того, чтобы не портить её праздник, муж рассказал ей всё на следующий день. Как ни странно, она восприняла всё это вполне спокойно:

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.